

ал-Хусайн ибн Мансур

ал-Халладж

كتاب الطواسين

بستان المعرفة

Китаб ат-Тавасин

Сад Знания

ББК 87.3
X 65

Перевод с арабского по изданию

Al-Hallaj. Complete works
By Kasem Mouhammad Abbas.
Riad El-Rayyes Books S.A.R.I: Beirut, 2002.

ал-Халладж ал-Хусайн ибн Мансур

X 65 **Китаб ат-Тавасин. Сад Знания / ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж; Пер. с араб. Виктора Нечипуренко, Ирины Полонской; предисл. В. Нечипуренко, И. Полонской. Издание 3-е, исправленное.**

Величайшее произведение исламского мистицизма, являющееся одним из наиболее ранних трактатов по суфизму. В нем ал-Халладж изложил учение об изначальной реальности пророка Мухаммада, ее предвечном явлении в виде светильника, озарившего мрак небытия. Рассматривается также тема таухид, самоуничтожающей любви к Аллаху в контексте истолкования коранического сюжета об отказе Иблиса поклониться Адаму.

Китаб ат-Тавасин – это исповедь несовместимой с конечным существованием бесконечной любви.

ББК 87.3

ISBN

© Нечипуренко В.Н.,
Полонская И.Н.,
перевод, 2013

© Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н.,
предисловие, 2013

Мансур ал-Халладж: жизнь и учение

Абу-л-Мугис ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж (الحسين بن منصور الحلاج), родившийся на юге Персии, в селении ал-Байда', провинции Фарс, в 858 г., был, согласно преданию, внуком зороастрийца и потомком Абу Айюба, одного из соратников пророка Мухаммада. В детстве ал-Халладж жил в городе прядильщиков Васит, который был в то время центром торговли и арабской культуры. Отец ал-Халладжа перешел в ислам и добывал средства к существованию чесанием шерсти или хлопка (халладж).

Уже с ранних лет ал-Халладж стал тянуться к аскетизму, стремясь проникнуть в сокровенный смысл Корана. Уже к двенадцати годам он выучил на память все суры. Избегая всего мирского, ал-Халладж искал себе наставника среди суфийских учителей. Среди тех, у кого он учился, были такие авторитетнейшие суфии как Сахл ат-Тустари (ум. в 896 г.), 'Амр ибн 'Усман ал-Макки (ум. в 908 г.), от которого ал-Халладж получил суфийское рубище (хирка), и Абу ал-Касим ал-Джунайд (ум. в 910 г.). Первым из учителей был Сахл ат-Тустари, вслед за ним наставником ал-Халладжа стал ал-Макки из Басры. Повзрослев, ал-Халладж женился на дочери суфия Абу Якуба ал-Акта, которую звали Умм ал-Хусайн; жена родила ему троих сыновей и дочь. Большинство сведений о жизни и учении ал-Халладжа мы обязаны его сыну Хамду. В этот же период своей жизни ал-Халладж испытал влияние учения исмаилитов – карматов.

«Как писал ал-Малати, карматы верили в то, что “Бог – это Всевышний Свет (*'ulwi*), совершенно непохожий на [другие материальные] виды света и не смешанный с какой бы то ни было тьмой. Свет Всевышний породил Свет Рассеянный (*sha'sha'ani*), от которого пошли пророки и имамы... От Света Рассеянного был рожден Свет Темный (*zalami*) – это свет, который человек видит в солнце, луне, звездах, огне и веществах, перемешанных с тьмой”».

Абу-л-Мансур ал-Халладж толковал кораническое понятие «Свет» (*an-nur*) в смысле «просветитель (*munawwir*) сердец»; он также говорил в этой связи о Боге как о «Свете света, который направляет тех, кого пожелает, Своим светом к Своей власти» и, постепенно, в конечном итоге, к Своей единственности. (*wahdaniyah*). Ал-Халладж далее заявлял, что «в голове находится свет откровения; во лбу (между глазами) свет беседы с божественным, (*munajah*); в ухе свет уверенности (*yaqin*); и языке – свет ясности; в груди – свет веры, и т. д.», и все эти виды света могут влиять друг на друга.¹

Поссорившись с ал-Макки (878 г.), ал-Халладж отправился в Багдад. Там он познакомился с влиятельным и ученым суфием ал-Джунайдом, который стал его последним духовным учителем.

Али ибн Усман ал-Худжвири пишет:

«Я читал в Историях, что, когда Хусейн ибн Мансур (аль-Халладж) в порыве экстаза порвал отношения с Амром ибн Усманом (аль-Макки) и пришел к Джунайду, Джунайд спросил его, зачем тот пришел. Хусейн сказал:

– Чтобы общаться с шейхом.

Джунайд ответил:

– Я не общаюсь с теми, кто не в себе. Общение возможно лишь с теми, кто в порядке, а то, как ты обошелся с Сахлем ибн Абдаллахом и Амром, говорит о том, что ты не в себе.

Хусейн сказал:

– О шейх, трезвость и опьяненность – два атрибута человека, а человек скрыт «завесой» от своего Господа до тех пор, пока его свойства не будут упразднены.

– О сын Мансура, – сказал Джунайд, – ты заблуждаешься на предмет трезвости и упоенности. Первая предполагает нормальное состояние духа человека в его отношении к Богу, а вторая – предельное жаждание и пылкую любовь, но ни то, ни другое не может быть вызвано сознательным усилием. О сын

¹ Цит. по: Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. Пер. с англ. С.А. Хомутова. М.: Главная ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1978. С. 160, 162.

Мансура, в твоих словах немало глупого и нелепого».²

Так или иначе, но ал-Халладж рассорился и с Джунайдом. Вскоре после разрыва он отправляется в паломничество в Мекку, и там целый год ведет аскетическую жизнь во внутреннем дворе святыни.

«Передают, что Хусейн ибн Мансур (аль-Халладж) обычно возлагал на себя обязательство во время молитв совершать четыреста поклонов в сутки. На вопрос, отчего он, находясь на высокой ступени духовного продвижения, так утруждает себя, он ответил:

– Боль и удовольствие служат признаком ваших чувств, те же, чьи атрибуты упразднены, не ощущают воздействия ни боли, ни удовольствия. Берегитесь называть нерадивость завершенностью, а мирские желания – исканием Бога».³

Эти слова свидетельствуют о том, что ал-Халладж поднялся в ходе своих аскетических практик до состояния, когда он ощутил утрату своих индивидуальных качеств и полностью слился с Божеством. Однако, в отличие от других суфиев, державших в глубокой тайне пережитый ими мистический опыт, он не мог не разделить содержания своего опыта с другими людьми. Он выразил его в формуле: *أنا الحق*, *anā al-hakk* («Я – Истина»). Эти слова отражали всего лишь чувство полного слияния с Богом, но мусульмане решили, что он объявил Богом самого себя, поскольку Ал-Хакк – одно из 99 имен Аллаха. Его бывшие учителя поспешили отречься от него, так как считали, что суфий не должен делиться с непосвященными теми тайнами, которые Бог открывает лишь избранным.

Тогда ал-Халладж покинул Мекку и возвратился в Ирак. Теперь он отказался носить облачение суфия, надел халат обычного воина (*каба*), желая показать этим, что больше он не хочет следовать нормам суфиев, к которым, в частности,

² *Али ибн Усман аль-Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой. Старейший персидский трактат по суфизму. М.: «Единство», 2004. С. 188-189.*

³ *Там же. С. 303.*

относился и запрет на обсуждение тайны единения человека и Бога. Обращаясь к народу с публичными проповедями, он предлагал своим слушателям искать Бога в собственном сердце, и за это получил прозвище *Халладж ал-аср̄ār* («Вычесыватель сердечных тайн»). В результате отношение к нему светских и религиозных властей стало еще более негативным, а багдадские суфии окончательно отделились от него.

Уйдя из Багдада, ал-Халладж отправляется в Тустар, а в 899 г в возрасте 40 лет отправляется в одинокое скитание по Персии, длящееся 5 лет. После него он совершает свой второй хадж, в котором его сопровождали 400 учеников, а потом – в 905 г. – отплывает в Индию. Злые языки утверждали, что в Индию ал-Халладж направился с единственной целью – обучиться магии у тамошних факиров. По версии Массиньона он путешествовал с караванами, везшими на Восток драгоценные ткани, а оттуда – бумагу из Китая. А некоторые источники сообщают, что изречения ал-Халладжа были записаны на бумаге из Центральной Азии и стиль их оформления напоминал манихейские манускрипты. Поднявшись по Инду, ал-Халладж проехал через Кашмир, некоторое время провел в Туркестане, где выступал с публичными проповедями, далее проехал в Китай, откуда и вернулся в Багдад.

В Багдаде он становится знаменитым духовным учителем, у него множество последователей. Его интересы и достижения разносторонни: медицина, алхимия, магия. О нем рассказывают легенды: так, в Мекке он якобы сотворил из ничего йеменские сладости, а в пустыне накормил своих спутников манной небесной.

«Хусейн ибн Мансур (аль-Халладж) говорит:

“Первый шаг в единении – упразднение отделенности (*тафрид*)”, поскольку отделенность – это утверждение своей отдаленности от несовершенств (*афат*), тогда как воссоединенность – это утверждение единства вещей, и потому в одиночестве (*фарданият*) возможно исповедание иного-чем-Бог, и свойство (отделенности от несовершенств) может быть приписано чему-то еще, помимо Бога. А в единстве (*вахданияят*) не-

возможно исповедовать иное-чем-Бог, и единство не может быть приписано ничему, кроме Него. Тогда первый шаг в единении – отринуть сотоварищей (*шарик*) Бога и отвернуться от примешивания иного (*мизадж*), ибо примешивание иного на Пути к Богу подобно поиску большой дороги днем со светильником»⁴.

Духовный опыт ал-Халладжа он выразил в своем поэтическом творчестве.

«Поэзия Халладжа с большой интенсивностью чувства выражает мистическое томление. Ее язык целомудрен; ее любимые символы – винная чаша, полумесяц, кубок пьянящей мистической радости, дева, душа-птица и подобные образы. Иногда Халладж прибегает к каббалистической игре слов и исходит из скрытого смысла букв алфавита; иногда у него можно встретить и выражения, взятые из алхимии. Все его стихи обретают весомость вследствие заложенного в них теологического и мистического смысла и полны загадок, но столь прекрасны, что ими могут наслаждаться даже те, кого не интересует их религиозная интерпретация, а просто радуется арабская поэзия, в лучших своих образцах – это чрезвычайно утонченное искусство со множеством обертонов, вызывающих у читателя неожиданные и чарующие ассоциации».⁵

Ал-Халладж обращается к Богу с такими словами:

О, Ты, опьянивший меня равнинами, окружающими Тебя!
Ты один в одиночестве Вечности,
Ты – один, кто свидетельствует о Тебе
с трона истинности;
Твое свидетельство – правосудие, но Ты не судишь Себя;
Твоя отдаленность – наказание, но Ты не отдаляешься
от Себя;
Твое присутствие – Твое знание, но Ты не двигаешься;
Твое отсутствие – парус, но Ты не уходишь.
Над Тобой нет ничего, тенью чего Ты мог бы быть.

⁴ Али ибн Усман аль-Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой. Старейший персидский трактат по суфизму. С. 280-281.

⁵ Шиммель А. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. М.: Алетейа, Энигма, 1999. С. 63.

Ал-Халладж с юности предвидел собственную смерть и сам призывал ее, так как считал, что жизнь во плоти отделяет его от Бога, а смерть позволит преодолеть эту преграду. Предвосхищение собственной смерти пронизывало всю его внутреннюю жизнь, что настораживало его друзей.

Убейте меня, мои верные друзья,
Ибо в убиении себя – моя жизнь.
Любить – значит предстать перед Возлюбленным,
Устранив все свои атрибуты;
Тогда Его атрибуты становятся твоими.
Между мной и Тобой – только я.
Сотри меня, и останешься только Ты.

Уктулуни йа сикати-инна фи катли хайати («Убейте меня, мои верные друзья, ибо в убиении себя – моя жизнь»). Эта строка веками служила предметом мистических медитаций.

Аскетизм ал-Халладжа был предельным. Как рассказывает Аттар, «во время своего напряженного духовного состояния Мансур двадцать лет носил один и тот же шерстяной плащ. Как-то раз люди силой сняли с него этот плащ. К своему изумлению они обнаружили, что в складках плаща свил гнездо скорпион, и хотели убить его, но Мансур попросил вернуть скорпиона на место, так как за эти двадцать лет они стали друзьями.

Однажды четыре тысячи паломников сопровождали Мансура к Каабе. Придя туда, он целый год простоял на одном месте босой и с непокрытой головой. Обычно к нему приходил человек и приносил хлеб и кувшин воды, но он редко соглашался проглотить хотя бы кусочек. Поэтому Мансур был очень истощен физически. Он весь высох, его кожа сморщилась и местами потрескалась. В его одежде свил гнездо скорпион. Мансур молился: «Я знаю только Тебя и не поклоняюсь никому, кроме Тебя, и я благодарен за те дары,

что Ты послал мне. Я Твой раб, и так многочисленны Твои дары мне, что, имея только один язык, я не могу выразить мою благодарность за них. Поэтому поблагодари Себя Сам от моего имени».⁶

Совершив третий хадж, ал-Халладж остается в Мекке два года. В долине Арафат он выступает перед паломниками с проповедью, которую завершает чисто исламской по духу молитвой, свидетельствующей о трансцендентности Бога.

После очередного возвращения в Багдад (около 908 г.) ал-Халладж ведет себя как обезумевший от любви к Богу суфий. Ноч проводя в молитвах на кладбищах, днем он проповедует на площадях и базарах, говоря о безмерной любви к Богу и стремлении к мученической смерти во славу Его. Несколько раз он даже просил своих слушателей спасти его, подвергнув жестокой казни. Более того, во дворе своего дома он будто бы выстроил миниатюрную Каабу и в сезон паломничества совершал вокруг нее обходы.⁷

Позже, на суде ал-Халладжа обвиняли в том, что в своих проповедях он высказывался против хаджа, ссылаясь на его призыв «семь раз совершить обход вокруг Каабы своего сердца». На самом деле ал-Халладж говорил о духовном хадже, «о духовной действенности и легитимности символического паломничества в собственном доме».⁸

Как сообщает ал-Газали, когда ал-Халладж «увидел, что ал-Хаввас роется в книгах, он сказал ему: “Чем ты занимаешься?” – “Я роюсь в книгах, чтобы улучшить свое положение в *таваккуле*”. Ал-Хаввас был из тех, кто полагался на Аллаха, из *мутаваккилей*. И ал-Хусайн сказал ему: “Ты посвятил жизнь свою совершенствованию своего внутреннего.

⁶ *Фарид ад-дин Аттар*. Тазкират ал-аулия, или Рассказы о святых. М.: САМПО, 2005. С. 166-174.

⁷ *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история / А.Д. Кныш; пер. с англ. М.Г. Романов. СПб., 2004. С. 84.

⁸ *Mason H.* Memoir of a Friend: Louis Massignon. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1983. P. 25.

Но где же исчезновение в вере в Единого?” Похоже, что ал-Хаввас собирался совершенствоваться, будучи на третьей стадии единобожия и намереваясь достигнуть четвертой стадии, а это и есть все стадии единобожия».⁹

Ты взял мою сущность,
Чтобы она служила Тебе символом (среди людей),
Когда в моем последнем состоянии Ты пришел,
Чтобы заявить о моей Сущности (Твоей, мой Создатель).
Кто говорит, творец или его творение?

* * *

Я приветствовал Тебя здесь, в моем сознании!
Мой язык восхищенный говорил с Тобой!
В каком-то смысле мы соединились,
А в каком-то – отделились друг от друга.
Ибо хотя Ты скрывался от моих взоров,
Мое сознание воспринимало Тебя
В глубине моего сердца.

Критика ал-Халладжем ритуализма была прежде всего связана с его мистическими практиками. Однако он «без колебаний использовал терминологию своих противников, которую исправлял и совершенствовал», «и готов был стать заложником конфессиональной логики других».¹⁰ И все-таки в конечном счете религиозный опыт ал-Халладжа не умещался в пределах ортодоксального ислама, был общечеловеческим

⁹ *Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере. Избранные главы. /Пер. с араб., исслед. и коммент. В.В. Наумкина. М.: Главная ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. С. 207. Ср.: Али ибн Усман аль-Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой. С. 204-205.*

¹⁰ *Massignon L. "Perspective Transhistorique sur la vie de Hallaj", in: Parole donnée. Paris 1983: Seuil, p. 76.*

по своему масштабу, настолько велико было «странное, упорное и дерзновенное алкание Бога, ему свойственное».¹¹

В частности, речь идет и о его особом понимании исповедания единства Бога (*таухид*): для ал-Халладжа Таухид был возможен только в устах самого Бога, так как его содержание исключало присутствие еще одного, отличного от Бога, субъекта исповедания: «Любовь в том, чтобы стоять рядом с Возлюбленным, полностью отрекшись от себя и преобразив себя по Его подобию».¹² Называя Бога «Возлюбленным», «Другом», «Ты», он чувствовал, что «его единственное «я» – это Бог», с силой, заставлявшей его забывать собственное имя.¹³

Да будет Твоя воля, о мой Господь и Повелитель!
Да будет Твоя воля, о цель моя и смысл!
О сущность моего бытия, предел моих желаний!
Все, чем владею, слух и зрение мое!
О целостность моя, моя основа, атомы мои!¹⁴

Предвидя свою мученическую кончину, во многом добровольную, ал-Халладж и здесь выходил за рамки исламской традиции, сближаясь с опытом Иисуса Христа, которого почитал и рассматривал его смерть на кресте как единение с Богом. Самого себя он уподоблял Христу, так как верил в искупительное значение не только Его, но и своего мученичества. Поэтому в мусульманском мире его часто называли

¹¹ *Ibid*, p. 77.

¹² *Massignon L.* “Perspective Transhistorique sur la vie de Hallaj”, in: *Parole donnée*. Paris 1983: Seuil, p. 74.

¹³ *Mason H.* *Memoir of a Friend: Louis Massignon*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1983. P. 26.

¹⁴ Али ибн Усман аль-Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой. С. 257.

«тайным христианином», поскольку он, по мнению многих, искажил монотеистическое откровение на христианский лад.¹⁵

Связь учения ал-Халладжа с христианством просматривается легко. Как и Иисус, он был замучен, а его знаменитое высказывание: «Я – Истина (أنا الحق, *anā al-hakk*)», по существу, не отличается от слов Иисуса: ἐγώ εἰμι ἡ ὁδὸς καὶ ἡ ἀλήθεια καὶ ἡ ζωή («Я есмь путь и истина и жизнь») (Иоан.14:6). Фраза ἐγώ εἰμι ἡ ἀλήθεια («я – истина»), также присутствует в греческих магических папирусах (1 в. н.э.), в гностических текстах из Наг-Хаммади, в апокрифе «Страсти апостолов Петра и Павла» (большие) (39, 40). Так, например, в Евангелии Истины говорится о детях Отца, которые – «сами Истина», «являющиеся в Истине», в Одах Соломона – о «Сыне Истины», а в Евангелии от Филиппа полное имя Христа объясняется так: «Назара – истина, поэтому Назарейнин – истина» (47).

Еще Адам Мец писал о возможной связи между учением ал-Халладжа и гностическим христианством.

«С поразительной виртуозностью, отнюдь не рожденной лишь вчера, а несущей на себе явные признаки связи с древним гностицизмом, язык ал-Халладжа следует как тончайшим нюансам его мыслей, так и могучим порывам его пантеизма. Зачастую он напоминает прекраснейшие места из гимнов гностиков. Метод ал-Халладжа также целиком соответствует методу му'тазилитов, от них перенимает он очищенную от всего человеческого и случайного идею Аллаха, от них же у него также и термин *хакк* («существо») для обозначения этой субстанции, этого конечного результата критического мышления. И если позднее в этом Боге различают два существа – человеческое и божественное, *насут* и *лахут*, два иностранных слова, заимствованных из сирийских споров о природе Христа; и если Бог в своем человеческом облике (*насут*) будет судить в день Страшного суда, если он прежде всякого творения предстал в образе человеческом – первозданным человеком (*proon anthropos* гно-

¹⁵ *Mason H. Memoir of a Friend: Louis Massignon. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1983. P. 25.*

стиков), если он затем явственно предстал бы перед тварями своими в облике вкушающего и пьющего, «пока создания его не смогли рассмотреть его бровь в бровь», то тут мы оказываемся посреди причудливого мира христианской гностики, которая в свою очередь являлась лишь бледной копией древних мифов. Притом это родство может быть легко доказано вплоть до мельчайших подробностей: по «Василиду» Иринаея, от Отца исходит слово (*logos*), затем мудрость (*phronesis*), затем сила (*dynamis*), затем познание (*sophia*). В *Китаб ат-тавасин* ал-Халладж проводит вокруг Аллаха четыре круга, которые никто не может постичь: 1) его воля (*маши'а*), 2) его мудрость (*хикма*), 3) его сила (*кудра*), 4) его познаваемое (*ма'лума*), т. е. его откровение. Графическое изображение этого учения, которое еще Кельсий нашел у гностиков, мы видим также в единственной до сего времени известной нам книге ал-Халладжа, находим мы его еще, как известно, в книгах друзов. Разум там изображается в виде ромбоида, а в *Китаб ат-тавасин* – в виде прямоугольника.

Сочинения ал-Халладжа были обнаружены во время домашнего обыска. Одни были написаны на китайской бумаге, другие написаны золотой краской; подбиты парчой и шелком, переплетены в дорогую кожу. И это также обычай гностиков. Священные книги манихеев тоже были роскошно оформлены. Мы даже находим там, как у гностиков, ступени очищения сообща с особо подчеркнутой ссылкой на Иисуса как на высший идеал. «Он посвятил себя благочестивой жизни, взбирался в ней со ступени на ступень. И в конце концов уверовал он: кто в послушании очищает тело свое, занимает сердце свое добрыми делами и отстраняется от страстей, тот продвинется дальше по ступеням чистоты, пока естество его не очистится от всего плотского. А когда в нем не останется даже и частицы плотского, тогда дух Божий, из которого был Иисус, вселится в него, тогда все деяния его будут от Бога и повеление его будет повелением Божьим. И сам он возложил на себя эту степень». Так приблизительно описывал учение ал-Халладжа один более поздний современник.

Твой дух (*рух*) смешался с моим духом, как вино смешивается с прозрачной водой, –

говорит сам ал-Халладж, и еще:

Я тот, кого я алчу, а тот, кого я алчу, – я сам,
мы два духа, живущие в одном теле,
кто видит меня – видит и его, видит его – видит меня.

Пышными и причудливыми образами описывает он обожение:

Бабочка летит в огонь и чрез гибель свою сама становится огнем.
Ты у меня между сердечной сорочкой и сердцем,
ты струишься, как слезы струятся с век».¹⁶

Но мистика ал-Халладжа имеет не только христианские параллели. Альфред фон Кремер пытался найти источник знаменитого изречения ал-Халладжа *анā ал-хакк* в индийских текстах, а Макс Хортен провел сравнение между этим изречением и фразой *ахам брахмасми* из *Упанишад*. С его выводами согласились некоторые другие ученые.¹⁷ Ведь по сути дела фраза *أنا الحق*, *анā ал-хакк* («Я – Истина») означает то же самое, что *Ахам Брахмасми* («Я есть Брахман»). В индийской философии Бог воспринимается как абсолютная истина. Согласно Упанишадам, все в мире есть проявление Брахмана, высшего существа. Когда ал-Халладж говорит, что в его тюрбане нет ничего, кроме Аллаха, он говорит то же самое. Согласно Упанишадам, конечная цель человека – уничтожить ограниченное восприятие эго. Таким образом, человек должен осознавать свое существование как проявление Бога, и тогда сущность, называемая «я», становится частью Бога. В качестве примера можно взять выражение *Тат Сат* («Это – Истина»). Санскритское слово *сат* («истина; реальность») аналогично арабским словам *الحق* (*ал-хакк*) и *الحقيقة* (*ал-хаккика*). В кашмирском шиваизме считается, что Истина на-

¹⁶ Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: ВиМ, 1996. С. 285-287.

¹⁷ Шиммель А. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. М.: Алетейа, Энигма, 1999. С. 57.

ходится в самом человеке, и когда адепт развивает глубокое осознание истинной природы своего «я», он ощущает себя абсолютной истиной, свободной от понятий времени, пространства и причинности, и становится совершенно уверенным в том, что он – сам Всемогущий Бог. В трактате Абхинавагупты «Парамартхасара» говорится: «Этот Брахман – высшая, чистая, неизменная, недвойственная, совершенная истина» (43); «Всепроникающая истина есть суть всего, она лишена всяческой множественности и является несравнимым бесконечным блаженством. Тот, кто осознает ее, становится единым с ней». (82).

Но при всех совпадениях и параллелях ал-Халладж – представитель авраамической традиции. Он пользуется именно ее символическим рядом, но глубоко по-своему толкуя эти символы, заставляя их работать на свое мистическое видение.

Так, в «Та-Син Чистоты» ал-Халладж говорит:

Из Куста на склоне горы, – что слышал из Куста, то слышал от Явившегося (جزء, *бараза*).

И мое подобие – как этот Куст, вот Его слово.

И Реальность, и реалія сотворенная! Отбрось сотворенное – ты станешь Им, или Он – тобой, с точки зрения Реальности.

Бесспорно, здесь речь идет о знаменитом горящем кусте, виденном Моисеем на горе Синай. Голос, раздавшийся из этого куста, был голосом Бога. Но в этом фрагменте символ куста раскрывает новые грани значения. Для ал-Халладжа дело не в том, что из куста к Моисею обратился сам Бог, а в том, что неодушевленный, немыслящий куст, будучи таким же элементом сотворенной реальности, как и любой человеческий индивид, мог стать не просто орудием Бога, но Его голосом, Его речью, то есть на какое-то время утратить свою сущность и вместить в себя Бога. Так и любой человек, и сам ал-Халладж, мог отдать свои уста Богу, чтобы Он говорил через него. «Мое подобие – как этот куст, вот Его слово»...

Эти слова ведут дальше. Для ал-Халладжа Аллах един, а все творение – иллюзорная данность, «завеса» в терминологии исламской мистики. Она (завеса) разделяет человека и Бога, но – и в этом ее смысл – в то же время позволяет человеку ощущать свою иллюзорную индивидуальность, отдельность, чтобы жить в сотворенном мире. Убрать завесу – значит потерять себя, лишиться индивидуальности и поддаться безмерному притяжению Истины, слиться с Ней, раствориться. Для ал-Халладжа именно в этом растворении, отречении от собственной сотворенной индивидуальности, цель и подлинный экстаз мистика.

Он обращается к собеседнику:

«И Реальность, и реалія сотворенная! Отбрось сотворенное: ты станешь Им, или Он – тобой, с точки зрения Реальности».

Конечно, Горящий Куст для ал-Халладжа не был свидетельством пантеистического Присутствия Бога в любом предмете: скорее, это символ внезапного прорыва завесы и обнаружения под ней Единого. В этот момент прорыва мистик действительно подобен этому Кусту: его «Я» растворяется в «Я» Аллаха: он – это в самом деле Аллах, а Аллах – это он, без малейшего различия.

Об этом опыте говорится и в «Та-Син Понимания», в аллегорическом повествовании о мотыльке, прикованном мистической страстью к огню лампы, вокруг которой он летает каждую ночь. Чем дальше длится эта влюбленность мотылька в горящую лампу, тем большего слияния с ее огнем ему хочется. Сначала он стремится только увидеть огонь, потом – видеть и ощущать его жар, наконец, слиться с ним нераздельно, то есть броситься в него и погибнуть в качестве мотылька: самому стать пламенем, раствориться в нем без следа. Мотылек – аллегорическое изображение мистика, а стадии его приближения к огню – это аллегория мистического сближения с Богом. Вначале мотылек только видит огонь на

расстоянии, как свет, и это – аллегория теоретического знания: «Свет огня – знание (‘илм) Реальности»; потом он чувствует его жар, то есть ощущает доподлинность огня: «Жар огня – реальность Реальности»; в конце концов он приходит к третьей и последней стадии: «Соединение – истина (*хакк*) Реальности».

Здесь, естественно, речь идет не об отождествлении своей конечной индивидуальности с Богом, а об утрате индивидуальности, о полном и необратимом растворении. Маленькое человеческое «я» не может превратиться в «Я» Единого. Об этом ал-Халладж говорит в следующих словах:

«О ты, сомневающийся, не думай, что мое сегодняшнее «я» – это «Я». Не считай, что я – это «Я», был «Я» или буду.
– О Господь, не сомневайся, я – это «Я», или буду [«Я»], или был. Кроме [моего] «я» есть стойкий знающий (‘*ариф*), Он – мое другое, честное состояние. Хотя [мое я] принадлежало Ему, я – не Он».

(*Та-Син Понимания*, 6)

В этом фрагменте ясно видно, что ал-Халладж не отождествляет себя с Аллахом. Его слова «Я – Истина» отражают момент единения, растворения его личности в Боге.

Мученическая смерть ал-Халладжа виделась ему как счастливое растворение мотылька в мистической любви к пламени.

«...В тот же миг он был целиком поглощен [огнем], сохся, исчез и остался без формы, и тела, и имени, и метки».

Растворение без остатка в Боге означает устранение «онтологического соперничества» с Ним сотворенной личности, утверждающей свою иллюзорную отдельность и самостоятельность. В момент казни ал-Халладж произнес: «Любить Единого – значит сделать Его Единственным». Но эта позиция в известном смысле противостоит ортодоксальному исламу, пределом праведности для которого выступает покор-

ность человека Богу, а не исчезновение человека в Боге. Для исламской традиции нужны двое – Бог и человек, с определенными установленными отношениями.

Как говорит ал-Халладж, Пророк

«поведал лишь то, что соответствовало его видению, и повелел в предписаниях Закона лишь то, что соответствовало истине его пути. Он явился – и стал явным. Он увидел – и поведал. Он схватился [за путеводную нить] – и положил пределы».

Мистическое видение ал-Халладжа, в отличие от ортодоксальной традиции, не ограничивалось пределами, снимало их и преодолеvalo. Хотя ал-Халладж в тексте выражает свое преклонение перед Пророком, соответствующее требованиям традиции, в состоянии единения с Богом он ощущает свое единение и с архетипической личностью Пророка в момент его опыта слияния. И трудно сказать, собственно, к кому именно из них относится это описание:

– «И приблизился», восходя, и спустился. Приблизившись, взыскал высший предел. И спустился, восхитившись. От сердца своего отдалился, и к Господу своему приблизился. В сердце своем отрезал, к Господу своему приблизился. И исчез, когда видел Меня. Не исчез. Как явил то, что явил? Как видел то, что видел?

– Изумлялся и смотрел. Смотрел и изумлялся. Был свидетелем – и был свидетелем (*шахид*). Соединился – и отделился от самого себя. Соединился, возжелав, – и отделился от своего сердца, а «сердце не солгало о том, что видело» [53:11].

– Скрыл его и приблизил его. Довел его и очистил его. Наполнил его и насытил его. Очистил его и избрал его. Позвал его и провозгласил его. Изнурил его и исцелил его. Вооружил его и посадил в седло.

– И был на «расстоянии» [53:9], когда отказался и достиг. И позвал Я, и отозвался. И увидел, и исчез (*غاب*). И испил, и наслаждался. И приблизился, и благоговел. И оставил (*رق*) страны и сподвижников, и тайны, и взоры, и следы (*асар*).

Однако в «Та-Син Безначальности и Запутанности» ал-Халладж называет Иблиса своим товарищем, а фараона – своим наставником, что вступает в противоречие с религиозными воззрениями мусульман. Большинство исследователей творчества ал-Халладжа видят в Иблисе и Фараоне космические и исторические прообразы, и оценивают их негативно в рамках общепринятой системы религиозных оценок. Ал-Халладж и в самом деле трактует эти архетипические фигуры как негативные силы, но при этом не только выражает сочувствие Иблису, расплачивающемуся за слишком страстное единобожие, но и в нескольких местах отчетливо проводит параллель между ним и собой. Иблис для ал-Халладжа – репрезентация не только интеллектуального отчуждения, но и последовательности – «доблести» – в отстаивании своих убеждений, даже несмотря на осознание их ограниченности:

«Сказал Абу ‘Умар ал-Халладж, он алим удивительный: «Размышлял я с Иблисом и Фараоном о доблести (الفتوة). И сказал Иблис: “Если бы я поклонился, то нанес бы урон своей доблести”. И сказал Фараон: “Если бы я уверовал в посланника Его, я бы уронил свой сан и свою доблесть”».

А я сказал: “Если бы я отрекся от своего притязания (دعواي) и своих слов, я низвергся бы из чертога доблести”. (21-23)

Возможно, даже восклицание: «О мой брат! Имя мне Аззил» (31-32) отражает определенную степень отождествления собственного опыта с космической драмой Иблиса, отвергнутого и наказанного за притязание на исключительность своей любви ко Всевышнему:

О мой брат! Имя мне Аззил,
ибо удален (*азал*), и удален из-за близости своей.
Не возвратился из своего начала к своему концу,
ибо не вышел из своего конца.

Выйдя, повернул назад –
в неподвижность закрытости своей.
Воспламенение огнем остановило его.
Свет обездвигил его.

И далее – явно сочувственная характеристика (35):

И самые верные, выйдя из врат его, хранили молчание,
и знающим было не по силам то, что они узнали.
Он был осведомленнее их в поклонении
и ближе них к Реальному (الموجود),
и превосходил их в усилении, и в верности в завете,
и в близости к Божеству (المعبود).

Азазил как архетип выступает олицетворением негативизма, отрицания и отказничества, «недвижности» (ترويسه). Хотя ал-Халладж в целом признает тупиковость этой позиции, он, как видно из текста, высоко оценивает Азазила.

Все это в совокупности не могло не отталкивать от ал-Халладжа единоверцев. Его обвиняли в симпатиях к христианству, зороастризму, движению карматов, в отрицании традиции, ритуалов и правил религиозной жизни. В конце концов он был арестован и помещен в тюрьму, где провел 8 лет. По истечении этого срока, на протяжении которого власть и религиозные авторитеты не знали, как с ним поступить, он был приговорен к смерти и казнен.

Смертный приговор ал-Халладжу имел и политическую подоплеку. Согласно Л. Массиньону, публичные выступления ал-Халладжа пробудили народное движение, направленное на духовное возрождение всей мусульманской общины. Обличение им социальной несправедливости раздражало власти, хотя в то же время некоторые его последователи при-

знали его «скрытым духовным полюсом эпохи» (*кутб аз-заман*), что было чревато мессианским восстанием.¹⁸

По описанию свидетеля его казни, «когда наступило утро, его вывели из темницы; и я видел, как он (в экстазе ликования) пританцовывал, гремя кандалами, и пел».

«Пригласивший меня, скрывая жалость ко мне,
дал мне испить из чаши, из которой пил Сам.
Он относится ко мне, как гостеприимный хозяин к гостю.
И когда чаши перешли из рук в руки,
Он велел принести орудия пытки и меч.
Так бывает с тем, кто пьет Вино со Львом в разгар Лета».

Аттар передает следующие слова ал-Халладжа, произнесенные во время казни: «Они вознесут меня на вершину виселицы созерцающим Твое могущество».

Последние слова ал-Халладжа были: *хасб ал-ваджид иф-рад ал-вахид лаху* – «любить Единого – значит сделать Его Единственным». Иначе говоря, существование любящего должно быть стерто с пути любви. Таков истинный *таухид*, полностью интериоризированный и оплаченный кровью любящего.¹⁹ Быть может, последний предельный мистический опыт можно передать людям только на беззвучном языке мученичества, или в мученике (*шахид*) Бог обретает своего истинного свидетеля (*ша'хид*)?²⁰

Ал-Халладж обещал своим последователям перед смертью, что он вернется. Сирийский поэт ал-Ма'арри писал, что в его время (около 1000 г.) люди все еще стояли на берегах Тигра в ожидании возвращения ал-Халладжа.

В среде суфиев и их последователей имело место тайное почитание ал-Халладжа. Вскоре оно распространилось по

¹⁸ *Кньши А.Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история / А.Д. Кньш; пер. с англ. М.Г. Романов. СПб., 2004. С. 84-85.

¹⁹ *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма. С. 61-62. Ср.: *Али ибн Усман аль-Худжвири.* Раскрытие скрытого за завесой. С. 311.

²⁰ *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма. С. 67.

всему Востоку, включая Индию. Ал-Халладжа как великого святого и праведника, мистика, опьяненного Богом, воспевали поэты Турции и Ирана, его чтили индийские мистики, и даже в далеком Узбекистане невежественные местные жители сложили о нем песню.

Единение с Богом было главной и практически единственной темой поэтического творчества ал-Халладжа, о чем свидетельствуют приводимые ниже отрывки из принадлежащих ему текстов (переводы взяты из Дивана, опубликованного Массиньоном, кроме тех, которые переведены Сами-Али).²¹

Я тут, я тут! О моя тайна и моя откровенность! Я тут, я тут! О, моя цель и мое направление! (2) Я зову Тебя, ... нет, это Ты зовешь меня к Себе! Как мог бы я произнести «Тебе одному» (Кор. 1:4), если бы Ты не прошептал «Мне одному»? (3) О сущность сущности моего существования, о завершение моего замысла, о Ты, моя речь, мои восклицания и бормотания! (4) О Ты, на ком держится мой дух, уже умирающий от восторга, Ты стал его свидетельством в моем отчаянии! (5) Я оплакиваю свою горькую участь, оторванный от родины в покорности, и враги мои стенают вместе со мной. (6) Я приближаюсь, чтобы страх отдалился от меня, и дрожу от желания, стискивающего мое нутро. (7) Что делать мне с этим Любовником, которым я очарован, моим Повелителем! Моя болезнь утомила врачей. (8) Мне говорят: Исцелись от Него с Его помощью! Но я говорю, разве исцеляются от болезни той же болезнью? (9) Моя любовь к моему Повелителю истощила и поглотила меня, как же я могу жаловаться моему Повелителю на моего Повелителя? (10) Конечно, я смутно вижу Его, и мое сердце Его узнает, но ничто не смогло бы выразить Его, кроме мановений моего ока. (11) Ах, горе моему духу из-за моего духа, увы мне из-за меня, я сам причина своего несчастья! (12) Подобно утопающему, одни

²¹ Ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж. *Диван*. Перевод Луи Массиньона в кн.: «Documents spirituels», Cahiers du Sud, 1955.

пальцы которого остаются над водой, взываю к помощи в открытом море. (13) Никто не знает, что со мной произошло, кроме Того, кто проник в мое сердце. (14) Он знает, какое горе меня постигло, и от Его воли зависит моя смерть и мое возрождение! (15) О высшая просьба и надежда, о моя Обитель, о жизнь моего духа, о моя вера и мой удел здесь, на земле! (16) Скажи мне: «я искупил тебя», о мой слух, мое зрение! До каких пор мне ждать в разлуке, в такой дали? (17) Хотя Ты скрываешься от моих глаз в невидимом, сердце мое видит, как Ты восходишь вдали.

Касыда 1

Ты обитаешь в моем сердце, и в нем – Твои тайны,
Так пусть же возрадуются обитель и Обитающий в ней!
В сердце нет никакой другой тайны, кроме Тебя.
Взгляни Своим оком: есть ли кто-нибудь еще в обители?
Продлится ли ночь разлуки или сократится,
Надежда и память о Нем сопровождают меня.
Я согласен с утратой, потому что согласен с ней Ты, о мой
Убийца,
И я выбираю то, что выбираешь Ты.

(мукатта'а, 23, перевод Сами-Али)

Я объял всем своим существом всю Твою любовь,
о, моя Святость!
Ты обнажаешь меня так, что я чувствую, что Ты во мне.

(мукатта'а, 30)

Его дух – мой дух, и мой дух – Его дух.
Чего хочет Он, хочу и я;
Чего хочу я, хочет и Он.

(мукатта'а, 32)

Твой дух смешался с моим
Подобно тому, как вино мешается с чистой водой

Касается ли что-либо Тебя, оно касается и меня!
Поэтому Ты – это я во всем!
(*мукатта 'а*, 47)

И, наконец, самый знаменитый стих:

Соедини меня, о мой Единственный (с Собой),
Дай мне воистину признать, что Бог Един,
Действием, к которому не ведет никакой путь!
Я – истина в потенции, а как Истина в действии (*ал-Хакк*)
Существует Его собственная потенция.
Да минует нас впредь разлука!
(*мукатта 'а*, 39)

* * *

В сердце моем о Тебе все мысли,
Ни о чем другом не говорит мой язык,
Кроме как о любви к Тебе.
Поворачиваюсь ли на восток –
Сияешь Ты на востоке;
Обращаю ли свой взор на запад –
Ты стоишь перед глазами.
Смотрю ли я вверх,
Ты еще выше;
Смотрю ли я вниз,
Ты и там, – везде.
Ты тот, кто всему дает место,
Но Ты не есть его место;
Ты – Целое во всем,
Но не преходящ, как мы.
Ты – мое сердце, мое сознание,
Моя мысль, мой дух,
Ты – ритм дыхания;
Ты для меня – узел сердца.

* * *

Я пытался ждать.
Но мое сердце – может ли Он заставить ждать мое сердце?
Дух Твой слился с моим
И в близости, и в разлуке. Ведь я – Ты, я как Ты.
Ты – это я и то, что я люблю.

* * *

Страсти Истинного, о которых Ты говоришь,
все рождены Истинным,
Но они бесплодны для понимания величайшего.
Ибо что есть страсть, если не постоянное
притяжение взгляда,
Расширяющее пламя между сознаниями?
Если Истинное поселяется в сознании,
Три состояния становятся постоянной
заботой проницательных:
Состояние, уничтожающее сознание в средоточии
его страсти,
Растерянность сознания из-за страсти,
И состояние, в котором все силы сознания объединяются,
Возвращаясь к видению, уничтожающему все воображаемое.

* * *

Когда влюбленный достигает совершенства в любви
И воздерживается призывать ее, находясь во власти зова,
Он видит истину того, свидетелем чего сделала его любовь:
Богохульства, мольбы влюбленных.

* * *

У светов света Света есть светы в творении,
И у Тайны есть тайны в сознании тех, кто умеет их хранить,
И Бытие среди существ – это бытие-творец,
В котором находит покой и которому приносит себя в дар
мое сердце.

Оком разума рассматривает Он то, что я описываю,
Ибо разум – это большее, чем сознающий слух и взгляд.

Отрицая Тебя, я Тебя прославляю,
И мой разум, погруженный в Тебя, – безумие.
Кто Адам, если не Ты?
И кто – в отдалении – Дьявол?

* * *

Мой Единственный сделал меня единым единством
Истинного, Истинного,
Истинного, не ведущего к множеству путей.
Я – Истинный, и Истинный истинен благодаря Истинному.
Он облачается в Самого Себя, и различие исчезает.
Появляются чистые звезды,
Сверкая ослепительными молниями.

* * *

О, горе мне! Ты или я? Здесь два Бога!
Я далек, я далек от утверждения двух.
Ах, никогда мое не-бытие не становится для Тебя бытием
И все мое во всем, расплываясь, двоится.
Где же Ты – там ли, куда я гляжу?
Ведь мое бытие – уже там, или у него нет «где».
И где Твое лицо, которое я ищу взглядом?
В видении сердца? В видении глаза?
Из нас двоих – Тебя и меня – «я» лишнее,
Пусть прекратится разделение, и пусть «Тебе»
подчинится «я»!

Как пишет А. Кныш: «Из общего контекста взглядов ал-Халладжа можно заключить, что он имел в виду не субстанциональное соединение божественной и человеческой природы (*иттихад ал-лахут би-н-насут*), а, согласно Л. Мас-

синьону, «любовное», или «интенциональное». Соединение Бога и человека у ал-Халладжа осуществляется в любви: Бог или его дух (*пух*) «нисходит» в воделеющую душу мистика и тогда его слова и поступки определяются божественным изволением, как бы обожествляясь. Бог «созерцает», или «свидетельствует», самого себя в сердце (*сирр*, *калб*) мистика».²²

Аналогичного мнения придерживается и Массиньон в своей работе *Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane*. Согласно Массиньону, «мистик пытается объяснить первое потрясение, испытанное его сердцем», когда произошло «вмешательство трансцендентного существа (...), приводящее к «перестановке» сознаний (к состоянию *шатх*, которое можно описать как «переполненность» сознания). Такая «перестановка» освобождает на время сознание от всего сотворенного. Намеренное затемнение смысла фразы (то есть обычных слов) в этом случае постепенно истончает личность временного субъекта. На высшем пределе (...) трансцендентный и единый объект, единственно Реальное, Бог, внезапно предстает перед читателем как непосредственно воспринимаемый, как интеллигибельный по определению; в это же время человеческое «я» обычного субъекта предложения ускользает от нас в присутствии другого, божественного «Я», которое раскрывается»²³.

Для творчества ал-Халладжа характерно широкое использование аллюзии. Причина этого в том, что ал-Халладж пишет о Боге и, следовательно, затрагивает Его Тайны, которые он вынужден указывать, не раскрывая, на которые можно лишь говорить намеками и метафорами. И мы уже знаем, что формула «*ана-л-Хакк*» была истолкована как выдача тайны, доверенной лично ал-Халладжу.

²² Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С.270.

²³ Massignon L. Opera Minora, textes recueillis, classes et presentes avec une bibliographie par Y. Moubarac. Dar Al-Maaref, Beirut, 1963. Vol. II. P. 364-365.

Однако аллюзия здесь – не просто литературный прием, это мощный способ воздействия на сознание читателя: с помощью аллюзии разбивается заикленность сознания на конечном, дискретном, пространственно-временном, сотворенном мире.

По словам самого Массиньона, именно работая над исследованием об ал-Халладже, он осознал, насколько мистические тексты могут «способствовать достижению Реального», поскольку сам язык изложения «таит в себе мистический смысл, этот язык – стрела, направляющая душу к Богу». Экзальтированность стиля мистиков, в том числе и ал-Халладжа, по мнению Массиньона, «была, очевидно, вызвана первоначальным сверхчувственным потрясением»; при этом «в некоторых предложениях, усыпанных гиперболами (*uataxât*), авторы стремились отобразить, не без ретроспекции, само потрясение от Божественного прикосновения, (...), запечатлеть взаимопроникновение человеческого и божественного “Я”»²⁴.

В *Passion* Массиньон²⁵ отвергает обвинение в прямом отождествлении (*хулул*), предъявляемое ал-Халладжу (когда тот говорил о преобразующем единении), и показывает на базе текстуального анализа, что у него речь идет скорее о «перемежающемся отождествлении. В *l'Essai* Массиньон подчеркивает: «Перемежающееся отождествление субъекта с объектом (...) возобновляется только благодаря бесконечному любовному обмену ролями между субъектом и объектом через осциллирующее чередование, подобное перемежающемуся ритму пульса, ощущения, сознания; эти роли налагаются друг на друга непостижимым для человека и трансцендентным образом, не стабилизируясь и не обретая постоянства в сердце конкретного человеческого субъекта в его земной

²⁴ Ibid. P. 371-372.

²⁵ Massignon L. La passion de Husayn ibn Mansûr Hallâj, 4 vol, Gallimard, Paris, 1975. Vol. 4. P. 49-60.

жизни»²⁶. У ал-Халладжа такое преобразующее единение осуществлялось посредством «спонтанного обмена ролями – между Богом и человеком, между языком и сердцем мистика; то Бог вдохновляет сердце, а человек свидетельствует это своей речью, то человек стремится сердцем (к Богу), а Бог свидетельствует об этом своим языком, так что сохраняется совершенная и постоянная гармония между «Я и Ты»²⁷. И далее: «Результатом постоянного согласия (мистика) с повелением Бога является вселение в душу мистика Божественного Духа, который «от повеления Господа моего», и с этого момента каждое действие этого человека превращается в истинно божественное действие; Божественный Дух придает словам сердца внятность, выразительность и применимость, желанные Богу»²⁸. Здесь происходят диалектические взаимопереходы скрытого и явного, отрицания и утверждения, близости и удаленности: «И нет для меня отдаленности, отдаляющей отдаленности от Тебя, отдаления нет. Убедился я, что близость и отдаленность – одно» (*Та-Син Безначальности и запутанности*, 12).

По поводу знаменитой формулы *anā al-hakk* («Я – Истина») Массиньон полагает, что ею ал-Халладж «констатирует существование высшей степени Божественного присутствия в творениях», когда оно «может реализовываться и завершаться в человеке без разделения и смешения... Способ осуществления такого мистического единения трансцендентен по отношению к сотворенному, это бескорыстный дар вечно существующего, *ихсân*, и он выше любого сотворенного (земного) вознаграждения»²⁹.

²⁶ Massignon L. *Essai sur les Origines du Lexique technique de la mystique musulmane*, éditions J. Vrin, Paris, 1954. P. 314.

²⁷ Massignon L. *La passion de Husayn ibn Mansûr Hallâj*. Vol. 3. P. 47-48.

²⁸ *Ibid.* P. 52.

²⁹ *Ibid.* P. 58.

Этот дар описывается его реципиентами следующим образом: «Состояния Божественного экстаза вызываются самим Богом, но мудрости наставников недостает для понимания этих состояний. Экстаз – это возбуждение, взгляд (Бога), который ширится и пылает в сознании; когда Бог поселяется в сознании, оно, обостряясь, позволяет видящему наблюдать три фазы: фазу, когда сознание находится еще вне сущности экстатического состояния; фазу, когда оно становится удивленным зрителем; фазу, во время которой происходит фиксация вершины сознания, и оно обращается к Лицу, взглядом которого сознание восхищается больше любого другого зрелища» (*Muqatta'a*, 19)³⁰.

И в удивительной *Касыде 7* говорится об «оке знания»:

«Оком знания мой взгляд указал... И я преодолел бушующее море своей мысли / Пронзив его, как стрела/ И мое сердце взмыло... к Тому, Кого, когда меня о Нем спрашивают/ Я обозначаю знаком, но не называю до тех пор, пока, выйдя за все пределы, / Блуждая в пустынях близости (к Нему), я не увижу родника / И я не увидел ничего, что превосходило бы то, что я себе представлял. / Тогда я послушно подошел к Нему, / И вблизи (Него) способность видеть самого себя покинула меня, / Так что я забыл свое имя».

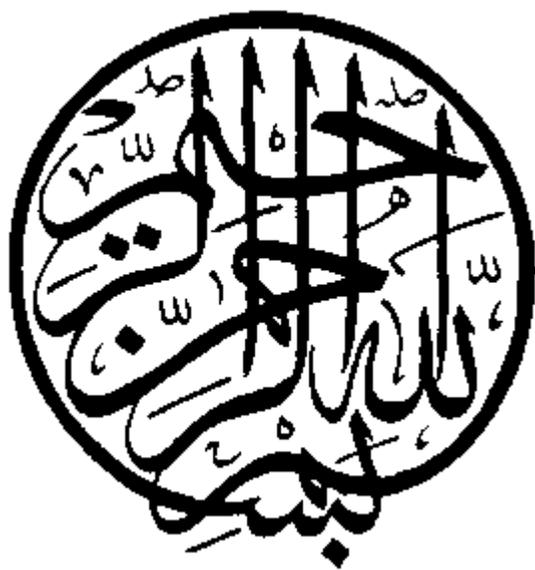
(По переводу *Сами-Али*).

Таким образом, в центре поэтической мысли ал-Халладжа – взаимоотношения между Любящим и Возлюбленным, взаимопереходы и динамизм их единения. В *мукамта'a*, 11 (перевод *Сами-Али*) сказано: «У меня есть Любимый, которого я посещаю в одиночестве, / Видимый и невидимый для взглядов. / Слухом не постичь того, что Он говорит... Его невозможно передать фигурами речи. / Он ближе, чем сознание для воображения, / И более скрыт, чем

³⁰ Husayn Mansur Al-Hallaj, *Diwan*. Trad. Louis Massignon, Éditions du Seuil, Paris, 1981. P. 77.

явные мысли». А в *мукамта*'а 54 тоже звучат сходные мотивы: «Свет Твоего лица остается тайной, когда оно видно... Выслушай же мой рассказ, Любимый, ибо ни Скрижаль, ни Перо не смогут его понять».

Китаб ат-Тавасин – это исповедь несовместимой с конечным существованием бесконечной любви.

Китаб ат-Тавасин

Сад Знания

Та-Син Светильника

Сказал [ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж], да будет доволен им Аллах:

1. Та-Син,
Светильник (*сирадж*) от Света Незримого был изначально, и возвратился, и превзошел [другие] светильники, и стал господствующим. Луна явилась среди лун – зодиакальный дом ее на небосводе тайны. Ал-Хакк (الْحَقُّ)³¹ назвал его «Неграмотным» («*Умми*»), ибо его горение (*химма*) цельно, «Священным» («*Харами*»), ибо благословение его велико, «*Макки*», ибо его место вблизи Него.
2. Раскрыл его грудь, и вознес его могущество, и предписал ему повелевать – явил его Бадр.³² Светит светильник его от Источника щедрости.
3. Он поведал лишь то, что соответствовало его видению, и повелел в предписаниях Закона лишь то, что соответствовало истине его пути. Он явился – и стал явным. Он увидел – и поведал. Он схватился [за путеводную нить] – и положил пределы.

³¹ Истина.

³² В переводах Л. Массиньона (*Louis Massignon*) и А. Тарджумана (*A. At-Tarjuman*) за этим следует строка: «Луна, его луна, вышла из облаков в стране Ямāма и превратилась в солнце, восходящее в стороне Тихāма (Макка)», но этого текста нет в арабском оригинале, с которого сделан наш перевод.

4. Никто не видел его подлинно, кроме Правдивейшего (Сиддика), ибо одобрил его, потом сопутствовал ему так, что не оставалось между ними разделения.
5. Не знал его знающий – без неведения качества его. «Те, которым Мы даровали писание, знают его так, как знают своих сынов, но ведь часть из них скрывают Истину, хотя и знают» [2:146].
6. Светы пророчества изошли из его света, и свет их воссиял от его света. И нет среди светов более светлого, более явного и более древнего из древних, чем свет Сахиба Щедрости.
7. Горение его предшествовало горениям, и бытие его предшествовало небытию, и имя его предшествовало Перу, ибо он был прежде мира.

Не было на горизонтах, за горизонтами и ближе горизонтов более тонкого, более благородного, более сведущего, более справедливого, более сострадательного, более строгого и более благосклонного, чем Сахиб этой миссии. Он – Сайид сотворенного; имя его Ахмад (أَحْمَد), качество его единственно, повеление его уверенно, сущность его созидающая, атрибут его славен, горение его [только] одно.

8. О чудо – кто явственнее его, и зримее его, и более велик, и более славен, и светлее его, и могущественнее его, и пронизательнее его?

Разве не был он,

не был известен до преходящего –

и не был, и не есть?

Разве не поминают его до «до» и после «после», –
и до субстанций и многого?

Субстанция его чистая, слово его пророческое, знание его высочайшее.

Речь его арабская, племя его – «ни Востока, ни Запада» [24:35], род его от патриархов, участь его – счастливейшая, величают его *Умми*.

9. Глаза его открылись, ибо знал он тайны и помыслы.
Ал-Хакк заставил его говорить и доказал правдивость его, Ал-Хакк развязал его.
Он – доказательство, и он – доказанный.
Это он счищает ржавчину с мучимого жаждой.
Это он несет предвечное слово,
Несотворенное, неизреченное и неделанное,
Соединенное с Истиной безраздельно,
Выходящее за пределы мыслимого.
Это он возвестил о конце, и концах,
и концах конца.
10. Поднял облако, указал на Священный Дом. Он – совершенный, он доблестный. Это он повелел разбить идолов, это он послан людям и обличил их.
11. Над ним – облако молний;
Под ним сверкает и блещет молния,
Дождь и плодоношение.
Все знание – лишь капля из его моря,
Вся мудрость –
лишь пригоршня из его реки,
Все время –
лишь час его века.
12. Ал-Хакк в нем, и в нем Реальность (*ал-хаккика*)³³.

³³ В мусульманской традиции имена Аллах и Ал-Хакк (Истина) рассматриваются как взаимозаменяемые синонимы. Ал-Хакк как

Он – первый соединившийся
И последний из пророков.
Он скрыт как Реальность
И явлен в Знании (*ма'риф*).

13. Никто из знающих не достиг его знания (*'илм*),
не обрел его понимания Мудрости.
14. Ал-Хакк не предавал его (*асламаху*) в Своем творении,
ибо он – Он, и где – Он, и Он – Он.
15. Не вышел из Мим [имени] МуХаМмаД (*محمد*),
И не вошел в его первое Ха,
его Ха – его второе Мим,
его Даль – его первое Мим.
его Даль – его вечность,
его Мим – его отличие,
его Ха – его состояние,
его состояние – его второе Мим.
16. Явно слово его, зрима метка его, сверкает доказательство его.
Ниспослан Фуркан его, развязано красноречие его,
озарено сердце его. Неподражаем Коран его,
незыблем в строении своем. Превознесено достоинство его.

синоним Бытия (*вуджуд*) является противоположностью *ал-халк* («творения»), *ал-б'атил* («ложного») или «нереального». Ал-Хакк – имя для проявленного и непроявленного, а *ал-хаккика* – это проявленный атрибут Ал-Хакк, Божественная Сущность в совокупности ее отношений с отдельными творениями. Реальность включает в себя непроявленное измерение того, что проявлено. Реальность существующей вещи – это не то, что мы видим, но это утвержденная воплощенность (*'айн*), видимая Богом и Его близкими.

17. Если бежишь из города его – где путь твой и проводник, о бессильный? Перед его мудростью мысли философов похожи на оползающий песок.

Та-Син Понимания

1. У сотворенных понятия не связаны с Реальностью, и Реальность не связана с сотворенными существами. Приходящие мысли – связки, и у сотворенных связки не соединяют с Реальным. И воспринять в знании ('илм) Реальность трудно, каково же – реальность Реальности? Истина – по ту сторону Реальности, а Реальность ниже Истины.
2. Мотылек летает вокруг огня до утра. Вернувшись к братьям, он восторженно рассказывает им о [своем] состоянии (*ал-хāl*), а потом [снова], ликуя, заигрывает [с огнем] в страстном желании полноты единения.
3. Свет огня – знание ('илм) Реальности, Жар огня – реальность Реальности, Соединение – истина (*хакк*) Реальности.
4. Не удовольствовался ни светом, ни жаром, и бросился в него. А братья ждали его возвращения, чтобы он поведал им об увиденном, коль скоро его не удовлетворила весть (*х̄бир*). Но в тот же миг он был целиком поглощен [огнем], ссохся, исчез и остался без формы, и тела, и имени, и метки. Тогда в каком смысле может он вернуться к своим братьям? И в каком состоянии (*хāl*) после соедине-

ния? – Достигший видения становится способным обойтись без рассказов. Соединившийся с тем, что он видит, может обойтись без видения.

5. Не будут истинными эти смыслы для нерадивого, суетного, одержимого, влекомого похотью. Он – как я, как я, как я, или: он – [это] я, не желающий страдать, хотя и был «Я».
6. О ты, сомневающийся, не думай, что мое сегодняшнее «я» – это «Я». Не считай, что я – это «Я», был «Я» или буду.
– О Господь, не сомневайся, я – это «Я», и буду, и был. Кроме «я» есть стойкий знающий (*'ārif*), Он – мое другое, честное состояние. Хотя [мое я] принадлежало Ему, я – не Он.
7. Если ты понял, то пойми, что эти смыслы истинны только для верного Ахмада, а «Мухаммад не был отцом кого-либо из ваших мужчин», но посланник Аллаха и печать пророков. Он удалился от людей и джиннов и закрыл свои глаза на «где» до тех пор, когда больше уже не оставалось завесы и обмана. «И был на расстоянии двух луков или ближе», когда достиг отдаленного знания Реальности, поведал он от сердца (*fu'ad*), и поведал. Достигнув истины (*hakk*) Реальности, оставил желание и предался Щедрому. Достигнув Истины (*Al-Hakk*), повернул обратно и сказал: «Преклоняюсь пред Тобой и верую в Тебя сердцем моим». Дойдя до Крайнего Предела, сказал: «Не исчислить хвалы Тебе». Достигнув реальности Реальности, сказал: «Только Ты [сам] можешь как должно восхвалять Себя». Отбросил свое и принял испытание, «сердце не солгало в том, что оно видело» «у лотоса Крайнего Пре-

дела». Не обратился ни вправо – к Реальности, ни влево – к реальности Реальности. «Не уклонился взгляд его и не перешел предела» [53:17].

Та-Син Чистоты

1. Реальность тонка, пути к ней узки, на них – вздымающиеся языки пламени, за ними бескрайняя пустыня. Путник следует этими путями и сообщает о [стадиях] разрыва [с мирским по мере продвижения через] сорок стоянок (*макамат*).

Это стоянка воспитания (ادب, *адаб*) и страха (رهبه, *рахаб*). И повода (سبب, *сабаб*), и искания (طلب, *та-лаб*), и удивления (العجب, *аджаб*), и разбитости (عطب, *атаб*), и восторга (طرب, *тараб*), и алкания (شهره, *шарах*), и честности (نزه, *назах*), и чистоты (صفاء, *сафа*), и искренности (صدق, *сидк*), и товарищества (رفق, *рифк*), и освобождения (عتق, *итк*), и ухода в пустыню (تسويح, *тасвих*), и возвращения (ترويح, *тарвих*), и различения (تماني, *таманийи*), и свидетельствования (شهود, *шухуд*), и открытости (وجود, *вуджуд*), и окончательного расчета (عدّ, *'ад*), и труда (كدّ, *када*), и ответа (ردّ, *рада*), и расширения (امتداد, *имтидад*), и подготовки (اعتداد, *и'тидад*), и уединения (انفراد, *инфирад*), и покорности (التقياد, *инкийад*), и повиновения (مراد, *мурад*), и Присутствия (حضور, *худур*), и упражнения [духа] (رياضة, *рийада*), и жалобы (حياطة, *хийата*), и сожаления об утраченном (افتقاد, *ифтикад*), и сопротивления (الاصطلاح, *истилад*), и обдумывания (تدبر, *тадаббур*), и нерешительности (تخير, *тахаййюр*), и размышления (تفكر, *тафаккур*), и терпения (تصبر, *тасаббур*), и измене-

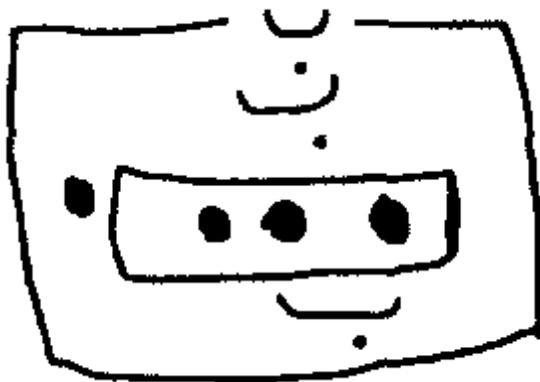
ния (تَغَيَّرَ, тагайяр), и неприятия (رفض, рафд), и строгой критики (نقض, накд), и выбора пути (رعاية, ри'йа), и вступления на правильный путь (هداية, хидайа), и начала (بداية, бидайа).

И достоин этой стоянки умиротворенный и очистившийся.

2. На каждой Стоянке – определенное понимание, а на другой – [другое] понимание.
3. Потом вошел в пустыню, и обьял ее, потом пересек ее. И без семьи, медлившей на горе и равнине.
4. «И когда завершился Мусе назначенный срок» [28:29], оставил семью, подтвердив Реальность близким. И все же довольствовался вестью, [которая] ниже видения, и [здесь] различие между ним и лучшим из людей. И сказал: «[приду] к вам оттуда с вестью» [27:7].
5. И если ведший удовлетворился вестью, как не удовлетвориться идущему следом?
6. Из Куста на склоне горы, – что слышал из Куста, то слышал от Явившегося (برزه, бараза).
7. И мое подобие – как этот Куст, вот Его слово.
8. И Реальность, и реалія сотворенная! Отбрось сотворенное: ты станешь Им, или Он – тобой, с точки зрения Реальности.

9. [Ибо если] я [даю] описание [Объекту], и описанный [Объект] – описание, [данное субъектом], [то когда субъект] описания [окажется] в Реальности, тогда каков [будет его] описанный [Объект]?
10. И сказал ему Ал-Хакк: «Веди к Доказательству, не к Доказываемому. Ибо Я Доказательство доказательств», ниспровергающее наивного.
11. Повел меня Ал-Хакк в Реальность,
там тайна моя и путь мой.
Свидетельство тайны моей
Без тайного умысла моего.
Там тайна моя и путь мой.
12. Сказал Ал-Хакк, и рассказ мой – от сердца моего и от науки красноречия моего; и приблизил меня к Себе из удаления моего, и сделал меня из плетельщика пальмовых листьев, и избрал меня.

Та-Син Круга

1. Внешний не соединяется с Ним. Второй соединился, но отделен. Третий блуждает в пустыне «реальности Реальности». [Буква] Ба باء – вторая дверь в круг, и представлена ب. Вот дверь, рядом с которой и соединившийся, и тот, блуждающий третий – пустыня Реальности, а вот реальность той двери, похожей на [букву] باء , у которой встречаются обе двери под вторым кругом.
2. Но как далек от входящего круг, и путь закрыт, и ищущий возвращается. Точка вверху – его горение, точка внизу – возвращение его к началу своему, и точка в середине – его нерешительность.
3. Близок круг, (но) точка внизу – возвращение к началу ищущего точку справа. Точка в середине – его нерешительность. И в центре та, что слева от круга.

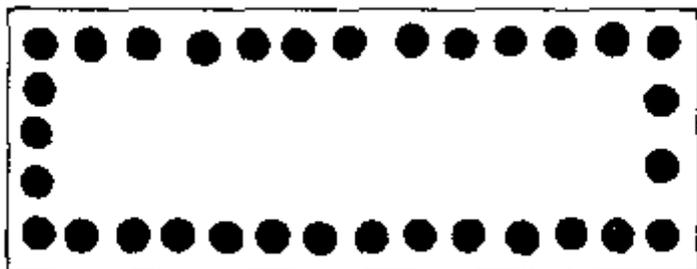
4. Нет у круга двери, и точка в центре круга – это Реальность.
5. А смысл Реальности – нечто [такое], где не отсутствуют (تَغِيبُ) ни «вне», ни «внутри», и что не принимает форм.
6. Если хочешь понять, что я здесь имею в виду, «возьми четырех птиц, привяжи их к себе» (فَخُذْ أَرْبَعَةً) (مِّنَ الطَّيْرِ فَصُرْهُنَّ إِلَيْكَ) [2:260], ибо Ал-Хакк не летает.
7. Его ревность делает ее [Реальность] явной и после того как Он скрыл ее. Страх делает ее недоступной, нерешительность лишает нас ее. Таковы смыслы Реальности.
8. Но еще тоньше то, что представляет понимание, – [ибо] не скрыто воображением.
9. Это – о круге: не видят по ту сторону (وراء) круга.
10. А что до знания (‘илм) Реальности, – оно запретно (харам), и круг – запрещен (حرم , харам) для него.
11. Потому и Пророка (да благословит его Аллах) стали называть «Харам», что не выходил из круга Харам, а Он – за ним. И сказал: «Ах!».

Та-Син Точки

1. Еще тоньше Точка, – и это Он, Источник. Не увеличивается, не уменьшается и не исчезает. Во внешнем круге отрицают Его и отрицают состояние Мое, ибо не видят Меня. И еретиком называют меня, во зле растленным.
2. Зовет Меня в круг Харам видящий Мое достоинство, неповинен Я в его зове.
3. И сахиб второго круга полагает Меня знающим Господа Моего.
4. Достигший третьего круга считает, что Я пал в желании Своем.
5. А достигший круга Реальности забывает Меня и ускользает от глаза Моего.
6. «Так нет! Нет убежища! К Господу твоему в тот день прибежище! Возвещены будут человеку в тот день его прежние дела и его последние» [75:13].
7. Но он устремляется за вестью, ищет убежища, пугается искр, сбивается с пути и прельщается.
8. Видел Я одну из птиц суфизма, летевшую на крыльях. Она не признала достоинства Моего, ибо продолжала полет.
9. Спросила Меня о чистоте, и я сказал ей: «Обрежь свои крылья острой гранью уничтожения (*фанā*'), если не следуешь за Мной».
10. И сказала мне: «Крыльями лечу». Я сказал ей: «Горе тебе!». «Нет подобного Ему. Он – Слышащий,

Видящий» [42:9]. И упала в тот день в море понимания, и утонула.

11. А образ понимания таков:

Видел я Господа Моего оком сердца.
Я спросил: “Кто Ты?” – Сказал: “Ты!”
И нет «где» у Твоего «где»,
А там, где есть Ты, нет «где».
Ты – надрезы всех «где»
 в сторону «ни-где» –
 где Ты?
Не представить Тебя воображением,
 и не узнать «где»,
 где Ты.

12. Точки в круге – мысли понимания. Одна – истина (хакк), а остальные – ложные.

13. – «И приблизился», восходя, и спустился. Приблизившись, взыскал высший предел. И спустился, восхитившись. От сердца своего отдалился, и к Господу своему приблизился. В сердце своем отрезал, к Господу своему приблизился. И исчез, когда

видел Меня. Не исчез. Как явил то, что явил? Как видел то, что видел?

14. Изумлялся и смотрел. Смотрел и изумлялся. Был свидетелем – и был свидетелем (*шахид*). Соединился – и отделился от самого себя. Соединился, возжелав, – и отделился от своего сердца, а «сердце не солгало о том, что видело» [53:11].
15. Скрыл его и приблизил его. Довел его и очистил его. Напоил его и насытил его. Очистил его и избрал его. Позвал его и провозгласил его. Изнурил его и исцелил его. Вооружил его и посадил в седло.
16. И был на «расстоянии» [53:9], когда отказался и достиг. И позвал Я, и отозвался. И увидел, и исчез (*غاب*). И испил, и наслаждался. И приблизился, и благоговел. И оставил (*رق*) страны и сподвижников, и тайны, и взоры, и следы (*асар*).
17. «Не заблудился ваш товарищ» [53:2], не ущербен и не утомился, не ущербен глазом (*عين*) в «где», не утомился, «когда» был.
18. «Не заблудился ваш товарищ» в выходе за Наши пределы и в совершенном Нами. «Не заблудился ваш товарищ» в саду зикра, свидетельствуя Нас, «и не сошел с пути» [53:2], блуждая мыслью.
19. Но был постигающим в душе и очами поминания, и был за испытания Мои и дары Мои благодарен.
20. «Он – только откровение открываемое» (*إِنَّ هُوَ إِلَّا وَحْيٌ يُوحَى*) [53:4] от Света к Свету.
21. Измени речь и исчезни для иллюзий, поднимай стопы высоко над людьми и растущими! Отрежь от него в правильном порядке. Будь горящим в бе-

зумной любви. Знай, что полетишь над горами и равнинами, горами понимания и холмами мира (*саллям*), увидишь Того, Кого увидишь; воздержание завершится к Священной (Харам) Мечети.

22. Потом приблизился – как подступает намеревающийся. Потом – преграда, как бы бессилие, но не как бессилие³⁴. Потом [перешел] от Стоянки Исправления (*تهذيب*) к Стоянке Наставления (*تأديب*), а от Стоянки Наставления к Стоянке Близости (*تقريب*). Приблизился взыскуя и спустился бегом. Приблизился взывая и спустился глашатаем. Приблизился отзываясь и спустился близким. Приблизился как свидетель (*شهِيداً*) и спустился как созерцающий (*مشاهداً*).
23. «И был на расстоянии двух луков» [53:9]. Поражает «где» стрелой «между». Подтверждает, [что было] два лука, чтобы удостоверить «где» или отсутствие его, сущность (*العين*) ближайшую к сущности Сущности (*بعين العين*)³⁵.
24. Сказал алим, удивительный ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж, да смилуется над ним Аллах:

³⁴ Имеется в виду препятствие на пути приближения не внешнего, а внутреннего характера. Бессилие, о котором идет речь, связано со смирением, а не реальным бессилием.

³⁵ Арабское слово (*عين*) '*айн* часто трудно переводимо. Оно может означать «глаз», «сущность», «вещь», «существо», «источник», «сам», «самый», «личность» или даже «конкретное проявление» чего-то. (На английский это понятие переводят более подходящим словом «entity»). Смысловое многообразие этого слова следует учитывать при чтении ат-Тавасина.

25. Думаю, что поймет [это] верно лишь тот, кто достиг высшего предела (بلغ) второго лука, а второй лук – под (دون) Скрижалью.
26. На ней другие, не арабские, буквы. Кроме одной – буквы Мим, и вот это Мим, то есть «Последнее» Имя. А вот – тетива «Первого» Имени.
27. О Царство (мульк) Второго лука – Владычество (малакут)! Вот Первый лук и Царство (мульк) действенного Могущества (джабарут), а Второй лук – Царство Владычества (мульк малакут) и Царство Атрибутов: два лука. А Царство особого Явления в полном блеске (تَجَلَّى خَاصٌّ, таджалли хасс) – там стрела, направленная в несуществование (العدم), стрела обоих луков от Него,
28. из огнива [высекающего] пламя открытое.
29. Сказал, да будет доволен им Аллах: точность речи – в приближении к смыслу. А важнейший смысл Реальности – Истина (Ал-Хакк), не способ (тарики) творения. А приближение – в круге точности.
30. Реальность Хакк (Истины) реальностей (ал-хакка'ик) [открывается] в тонкости (дакика) тонкостей (дака'ик), из предыдущих свидетельств, описавших противоядие для страстно желающих (التائق) – обрезать связи с бесстыдством отступников; ценой постоянных бедствий и через уяснение тонкостей; по слову спасающему; на пути избранного среди людей, – это приближение к смыслу, уклоняющемуся, широкому для понимания значения, это тропа пастыря, утоляющего жажду пророчеством.

31. Возгласил Сахиб Йасриба, мир ему, славу тому, кого Он очистил, – она незыблемо хранима в «Книге сокрытой», как начертал Он в «Книге видимой», касаясь смысла языка птиц, – и «сделали Мы» [его близким] к [Нему], «и был на расстоянии двух луков» от Сущности (يرمي العين).
32. И пойми, если поймешь, о влюбленный, что Господин не вступает в разговор ни с кем, кроме как с близкими (أهلا), или кто близким близок и близок близким близких,
33. для кого нет учителя, нет ученика, нет различий и нет предпочтений, нет фальши и нет учености, и нет «в себе», и нет «от себя», – в нем то, что в нем (*фихи ма фихи*), это в нем, но нет в нем «в нем», – пустыня в пустыне, Знак в знаке.
34. Призвание – его смысл, а смысл его – обетования, а обетования его ведут далеко. Путь его тверд, имя его славно, образу его нет подобия, Знание (معرفة) его – незнание, незнание его – реальность, ценность его – крепость, имя его – путь, метка его – горение, (وسمه), атрибут его – желание.
35. Закон (ناموس) – его свойство, солнечные – его город, души – его галерея, ближний – его животное, сокрушение – его дело, стирание – его видение, невеста – его сад, и изглаживание – его дворец.
36. Господа его – Мое прибежище, принципы его – Моя забота, воля его – Моя просьба, помощь ему – Мой кров, печали его – Моя тревога.

37. Грех его леденит, раскаяние его сожигает. Сказано им – и «есть», это достоинство, а то, что ниже этого, вызывает гнев, а успех – с Аллахом.

Та-Син Безначальности и Запутанности

О верности призванию вопреки смыслу.

1. Сказал алим сайид удивительный Абу'-л-Мугис, да освятит Аллах его милостью:

Нет доверия ни к одному призванию, кроме как к [призванию] Иблиса и Ахмада, да благословит его Аллах, только Иблис отверг Сущность (العين), тогда как Ахмад, да благословит его Аллах, открыл ему сущность Сущности (عن عين العين).

2. Было сказано Иблису: «Поклонись!», а Ахмаду – «Смотри!» Тот не поклонился, а Ахмад не смотрел, не обратился ни направо, ни налево, «не уклонился взор [его] и не перешел пределов» [53:17].
3. Что до Иблиса, заявившего свое, – он, изменившись, не возвратился.
4. А Ахмад, да благословит его Аллах, объявил и, изменившись, возвратился.
5. Сказав: «В Тебе изменяюсь, и в Тебя бросаюсь», и сказав: «О переворачивающий (مقلب)³⁶ сердца!». И сказал: «Похвал Тебе не исчислить».
6. Не было среди обитателей небес единобожием подобного Иблису.
7. Ибо Иблиса ослепила Высшая Сущность (العين), и он забросил [все], не смотрел [ни на что], удалился и

³⁶ Переворачивающий.

стал поклоняться Почитаемому в уединенной аскезе (التجريد).

8. И [был] проклят, когда достиг исключительности (التفريد),³⁷ и спрошен, когда потребовал большего.
9. И сказал ему: «Поклонись!» Сказал: «Нет другого». Сказал ему: «И если тебя прокляну Я?» Сказал: «Нет другого.
10. Отказ мой – почитание Твоей святости,
И разум мой Тобою одержим.
И что Адам Тебе, и кто среди [вас] Иблис?
Нет мне пути к другому, а лишь к Тебе:
Я – смиренный любящий».
11. Сказал ему: «Ты возгордился». – Сказал: «Если бы был у меня [хоть] один осиливающий взор, мне подобало бы [зваться] гордым и непокорным. Я – тот, кто знал Тебя в безначальности, «я лучше него» [7:12], потому что издавна в служении, и нет в творении [лучше] знающего Тебя, чем я! И во мне Твоя воля: Твоя воля в моей. Твоя воля в моей предшествовала. Поклонился ли бы я другому, а не Тебе, или не поклонился, мне пришлось бы возвратиться к [своему] началу, ибо Ты создал меня из огня, а огонь возвращается в огонь: предопределение и выбор – Твои.
12. И нет для меня отдаления,
Отдаляющей отдаленности от Тебя,
отдаления нет.
Убедился я, что близость и отдаленность – одно.

³⁷ То есть притязал на свою исключительность как муваххида (единобожника).

И если я,
и если я оставлен Тобой,
то оставленность – товарищ мой.
Воистину оставленность и любовь – одно.
Хвала Тебе в содействии в чистейшей чистоте
Рабу чистому, не поклоняющемуся никому другому
кроме Тебя».

13. Благочестивый Муса, да благословит его Аллах, и Иблис – на горной тропинке. И сказал ему: «О Иблис, что помешало тебе поклониться?» - И сказал: «Смысл моего призвания – в Божестве Едином. И если бы я поклонился ему, то уподобился бы тебе, ибо тебя только один раз позвали «взглянуть на гору» [7:143], – и ты взглянул. Что же до меня, я позван тысячу раз, чтобы поклониться, и не поклонился: призвание мое – в смысле моем».
14. И сказал ему: «Ты пренебрег Повелением?» – Сказал: «Это было испытание. Не повеление». – И сказал ему: «Подлинно изменился твой облик». – Сказал ему: «О Муса, это так, и это запутывает, но состояние не зиждется на нем [внешнем образе] и не изменяется. Ведь Знание (*ма'рифа*) остается истинным, как и твое «я»: ты не изменяешься, если изменяется тело».
15. И сказал Муса: «Ты вспоминаешь Его теперь?» – И сказал: «О Муса, мысль не вспоминает: я поминаемый, и Он поминаемый.

*Его зикр – мой зикр, и мой зикр – Его зикр.
Разве могут быть одновременно
двое поминающих?*

Мое служение теперь стало чистым, и время мое стало свободным, и мой зикр стал величественным, ибо я служил Ему ради вечности моего наслаждения, а теперь служу Ему ради Его наслаждения.

16. И очистил я желание от удерживающего и отдаляющего, вредного и полезного. Единственным в своем роде создал меня, смутил меня, изгнал меня, чтобы я не общался с искренне преданными (*мухласин*)³⁸. Лишил меня других за ревность мою. Изменил меня, потому что смутил меня, смутил меня, потому что сокрыл меня. Наложил запрет на меня за мое товарищество. Обезобразил меня за хвалу мою. Надел на меня ихрам из-за хиджры моей. Покинул меня, потому что открыл меня, открыл меня, потому что соединил меня [с Собой], и соединил меня [с Собой], потому что отрезал меня. Отрезал меня, потому что отказался от меня.
17. Благодаря истине Его я не заплутал в размышлении, и не отклонил решения, и не изменил облика.
18. Если согласно этому предопределению решение, если наказание мое в огне бесконечную вечность, не поклонюсь никому и не унижусь ни перед кем и ни перед чем, не признаю себя противником, и нет вражды. Признание мое – признание Искреннего; я – из искренних в любви».
19. Сказал [ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж], да будет милостив к нему Аллах: «Говорят о состояниях Азазила: назначено ему было быть в небесах глашатаем и на земле глашатаем. В небесах увещевал

³⁸ Искренне признающие единство Божие.

ангелов, показывая им прекрасное, а на земле увещевал людей, показывая им мерзость.

20. Потому что вещи познаются через противоположности: и у вора, и у тонкой пряжи черная изнанка. И ангелам показывал прекрасное, говоря: “Если делаете доброе, деяния ваши вознаграждаются”. Горько-кисло-сладкое. И кто не знает мерзости, не знает и прекрасного».
21. Сказал Абу ‘Умар ал-Халладж, он алим удивительный: «Размышлял я с Иблисом и Фараоном о доблести (الفتوة). И сказал Иблис: “Если бы я поклонился, то нанес бы урон своей доблести”. И сказал Фараон: “Если бы я уверовал в посланника Его, я бы уронил свой сан и свою доблесть”.
22. А я сказал: “Если бы я отрекся от своего притязания (دعواي) и своих слов, я низвергся бы из чертога доблести”.
23. И сказал Иблис: “Я лучше него” [7:12], не видя никого, кроме себя. И сказал Фараон: “Не знаю я для вас другого бога кроме меня” [28:38], не признавая в народе своем способного отличить Истину от лжи.
24. А я сказал: “Не знаешь Его – знай Его следы; я – тот след (الأثر), я – ал-хакк (أنا الحق , *анā ал-хакк*)! Ибо я никогда не ошибался в Ал-Хакк!”.
25. Товарищ мой и учитель мой. Иблис и Фараон. Иблису грозили огнем, и не отрекся от своего притязания. Фараон утонул в море и не отрекся от своего притязания, наотрез не признал посредника. Но сказал: “Я уверовал, что нет бога кроме Того, в ко-

того верят сыны Исраила” [10:90], а разве ты не видишь, что Аллах уже показал Джибрила в деле его? И сказал: “Почему ты наполнил свой рот песком?”.

26. И если убьют меня, и распнут меня, или отрежут руки мои и ноги мои, – даже тогда не отрекусь я от своего притязания.
27. Имя Иблиса (إبليس) происходит от его [первого] имени, Аззил (عزازيل), где заменены: ع (‘айн), представляющая его горение, ز (зай), представляющая все большее прибавление в росте его, ا (алиф) – прибавка в единении его, [вторая] ز (зай) – тропа его подвижничества в его чине, ي (йа) – его бедствия на пути к мученичеству, и ل (лам) – стойкость в испытании.
28. Сказал ему: «Не поклонись, о презренный!». – Сказал: «Влюбленный, а влюбленный презираем. Вот Ты и зовешь [меня] презренным. А я читал в Книге Явной, что определено мне. Надлежит мне это, о Могущественный, Крепкий. Как унижусь я перед ним? – “Ты создал меня из огня, а его создал из глины” [7:12]. И этим противоположностям не примириться. Воистину я в служении вечность, и в совершенстве больший, и в знании (‘илм) пресведущий, и в полноте жизни пребываю».
29. Ал-Хакк, слава Ему, сказал: «Выбор – Мой, не твой». – Сказал: «Всякий выбор, и мой выбор, – Твои: уже Ты выбрал за меня, о Творец. И если удержал меня от поклонения, то Ты и предопределил. И если я ошибаюсь в словах, не покидай меня, ибо Ты – Всеслышающий. Если бы Ты пожелал, что-

бы я поклонился ему, я бы покорился. Не знаю среди мудрых, кто знает Тебя лучше, чем я».

30. *Не испытывай меня, ибо желание судить
умерло во мне.
И вознагради меня, Господин мой, ибо я одинок.
Если в обещании, –
а обещание Твое – воистину Истина, –
Если в начале положение мое бедственное.
Тот, кто потребует книгу,
[где записана] эта речь моя,
читай и знай, что я – мученик!*
31. О мой брат! Имя мне Азазил, ибо удален (*азал*), и удален из-за близости своей. Не возвратился из своего начала к своему концу, ибо не вышел из своего конца.
32. Выйдя, повернул назад – в неподвижность закрытости своей. Воспламенение огнем остановило его. Свет обездвигил его.
33. Болезнь его – кара чистейшему. Блистание (света) терзает его болью. Источник его обмелел. Голоден среди изобилия. Превосходство ослепило его.
34. О мой брат! Если бы ты понял, чтобы соединиться соединением плотным, и представил себе воображение в самой его нереальности, то вернулся бы огорченным и снедаемым тревогой.
35. И самые верные, выйдя из врат его, хранили молчание, и знающим было не по силам то, что они узнали. Он был осведомленнее их в поклонении и ближе них к Реальному (*الموجود*), и превосходил их в

усилии, и в верности в завете, и в близости к Боже-
ству (المعبود).

36. [Другие ангелы] поклонились Адаму для под-
держки, а Иблис отказался, ибо уже долгое время
был в созерцании.
37. И запутанным стало положение его, и мысль его
зашла в заблуждение, и сказал: «Я лучше него». И
остался под завесой (*хиджаб*), и простерся во пра-
хе, и наказан на веки вечные.

Та-Син Воли

1. Та-Син Воли, и вот ее изображение.

Первый круг – Его Воля (*маший'а*), второй – Его Мудрость, третий – Его Могущество, четвертый – Его Знание и Его Безначальность.

2. Сказал Иблис: «Если бы я вошел в первый круг, подвергся бы испытанию второго, а преуспев во втором, подвергся бы испытанию в третьем. А удовлетворив в третьем, подвергся бы испытанию в четвертом.
3. Так нет, и нет, и нет, и нет! И остановился я на первом, и проклят во втором, и отброшен в третьем, и куда мне до четвертого?

4. Если бы знал я, что поклон спасет меня, – поклонился бы. Но знал я, что за этим кругом [другие] круги. И сказал: «Предположим, так или иначе я спасусь из этого круга, – как спасусь из второго, третьего и четвертого?»
5. Но алиф пятого³⁹ – Он Живой.

³⁹ Т.е. пятого круга и пятого «нет» (по-арабски «Ля», которое содержит алиф).

Та-Син утверждения Единства

1. Ал-Хакк - Один (*вахид*), Единый (*ахад*), Единственный (*вахид*), Тот, Чье единство утверждается (*мувахад*).
2. Один, и таухид⁴⁰ «в» [Нем] и «от» [Него].
3. Вот изображение⁴¹ – отображение этого смысла.

4. Знание (*'илм*) таухида – отдельное абстрактное знание.
5. Таухид изображается так:

⁴⁰ Утверждение Божественного Единства.

⁴¹ Т.е. образ отношения Одного и таухида.

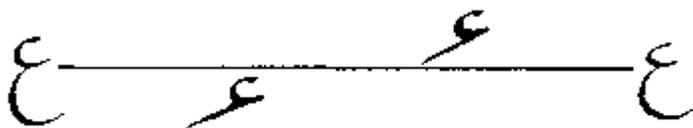
6. Таухид – атрибут муваххида, не атрибут Муваххида. И если ты говоришь: «я», говорит «я» твое, не Его.
7. А если ты говоришь: «Обращен таухид к Муваххаду»⁴²,
8. И если говоришь: «Таухид – [от Него]», как тогда обращен таухид к Тому, Чье единство утверждается?⁴³
9. А если говоришь: «От муваххида к Муваххиду», теряется отношение его к Единому.
10. А если говоришь: «Таухид сотворен из Него», то он (Таухид) становится самосущностью (الذات), существующей сама по себе.
11. А если существует его (Таухида) самосущность, то нет Его Самосущности. И не существует Его Самосущности. Исчезает, когда появляется. Куда исчезает та, для которой нет «куда»? Если нет места ни для «что» (ما), ни для «это» (ذا)?

⁴² К тому, чье единство утверждается.

⁴³ Как будут существовать его атрибуты?

Та-Син Тайн

1. Изображение Та-Сина Тайн в таухиде таково⁴⁴:

2. Тайны – стремление «от Него» и «в Него», побуждение «в Нем». И «Другой» (غير) – необходимое в Нем. Страшны тайны «от Него», а «в Него» стремление – Его собственного «Я» побуждение.
3. Местоимение таухида скрывает Его. «Я» скрыто, и скрыто местоименным суффиксом третьего лица – мужского рода и женского (هاؤه), мужского и женского (هاؤه).
4. Если ты скажешь: «вах!» (واه), скажут: «ах» (آه).
5. Оттенки, и разновидности, и отличия в несовершенном непроглядны, «словно они – прочное строение» [61:4]. Это определенность (حد), и Единый не исключает определенности. И «Единый» – определенность, и атрибуты Единого ограничива-

⁴⁴ Алиф – Единство, Таухид. Хамза – самосознающие «я», некоторые на одной стороне, некоторые на другой. ‘Айн в начале и в конце – Сущность.

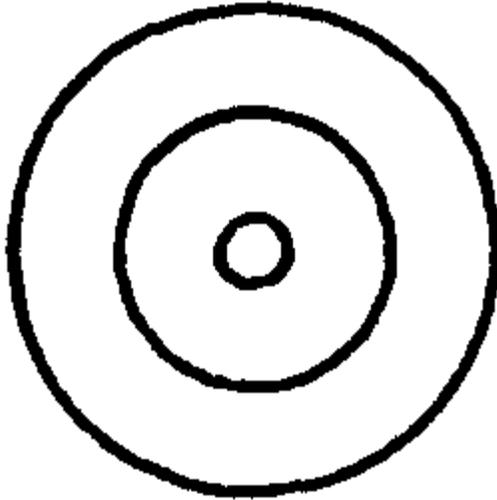
ют. Но Тот, Чье единство утверждается, не подпадает под определенность.

6. Ал-хакк⁴⁵ – вместилище (مأوى) Ал-Хакк, [но] не Ал-Хакк.
7. Не провозглашающим провозглашается таухид, Реальность расщепляется не ради творения. – Так неужели расщепляется ради ал-хакк?
8. То, что поддерживает акцидентальное, – не без субстанции. Что не отделено от тела, – не без тела, [что] не отделено от доли духа – не без духа.
9. Мы – перевариваемая духовность: возвращаемся в Того, кто вбирает ее, кто охватывает ее, и переваривает ее, и определяет ее, и расщепляет ее, и предикатирует ее.
10. Первый [круг] – действия, а второй – следы: круги сотворенного.
11. А точка – смысл таухида, но не таухид. А если бы [было так], то ведь круги отделены [от нее].

⁴⁵ Истина, воплощенная в человеческом индивидууме.

Та-Син Очищения

1. Вот круг подобий, и вот изображение его:

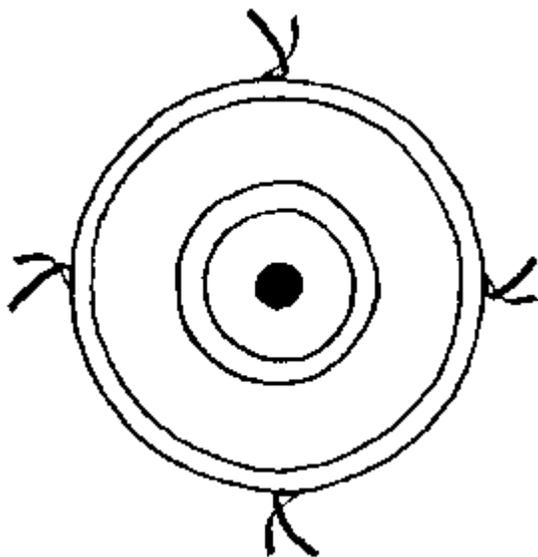

2. Это все то, что в сумме складывается из известного понаслышке, от приверженцев верований, и сроков, и глаз, и путей.
3. Вот внешний – первый, а вот внутренний – второй, а вот знак – третий: «эти круги».
4. Это совокупность сотворенного и облеченного формой, дискурсивного, уже не нового, и ночных собеседников, и смутного, и искушающего, и фальшивого.
5. Среди местоимений, местоимений – кружение и движение, и диалог, и недостаток, и ненависть, и форма.

6. Это совокупность сотворенного, а Аллах свободен от этих сказок.
7. И если я говорю: «Он», [это] не утверждение таухида.
8. Если я говорю: «Таухид Ал-Хакк действителен», – говорят: «действителен».
9. А если я говорю: «Без земли», говорят: «Ведь смысл таухида – сравнение (*ташбйх*)»⁴⁶. Но сравнение [как способ] описания не подходит для Ал-Хакк. И таухид не соотносим с Ал-Хакк, чтобы стало возможным [утверждение] единства. А если добавлю к таухиду [дополнительный смысл], то это случайное, а случайное – не атрибут Ал-Хакк. Самосущность (الذات) одна – Ал-Хакк [Истина], а ложь (الباطل) – от воплощенности (‘*айн*) Самосущности.
10. Если же я говорю: «Таухид – [лишь] слово», [говорят]: [но] слово – атрибут Самосущности.
11. А если я говорю: «Он желает быть Единым», – [то говорят]: воление – атрибут Самосущности, а (то, чего Он желает) – вещь сотворенная.
12. А если я говорю: «Существование Аллаха – таухид Самосущности», – [говорят]: «Существование таухида [и есть] Самосущность»,
13. И если говорю: «Не Самосущность», [ведь] существующее имя ее сотворено.
14. [А] если говорю: «Имя и именуемое – одно», то какой тогда смысл в таухиде?

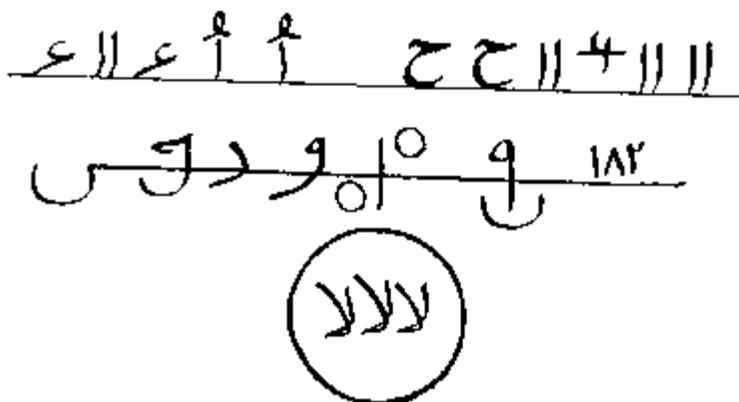
⁴⁶ Любое сравнение Аллаха с чем-либо.

15. Если я говорю: «Аллах, Аллах, Аллах», то это Сущность Сущности ('айн 'айн), но «Он – [это] Он».
16. Вот макан «Та» и «Син»: причины отрицаются, а эти круги с этими «нет» – изображение [сказанного] словами.

17. Первый – предвечность, второй – интеллигибельность, третий – (внешнее) измерение (جهة), четвертый – то, что мы знаем.
18. Самосущность не без атрибутов.
19. Первый приходит и вроде бы [обладает] «знанием» ('илм), – а не видит [Его]. Второй приходит и вроде бы [обладает] «чистотой», – а не видит [Его]. И нет в этом «Самосущности». И нет в Шин «ничего». И нет в Каф «слова». И нет в Мим чтойности.

20. Слава Аллаху, – Он Свят в Вечности Своей, недостижим ни для людей знания, ни для людей Откровения.
21. Вот макан «Та» и «Син», отрицания и утверждения, и вот изображение его:

22. Первый рисунок – мысль обычных людей, второй – мысль избранника, круг – срединная ось – знание Ал-Хакк. [Три слова] «Нет» [لا لا لا], собранные и повернутые, которые в круге, отделены от совокупности сторон (الجهات). Две [буквы] «ха» [ح ح] расположены по обе стороны [таухида]. Устремление таухида – по ту сторону [мирских] событий.
23. Мысли обычных людей погружены в море воображения, а мысли избранных – в море понимания. Но оба моря высыхают, и путь священный [иссыкает], и та и другая мысли обрываются и в конце концов исчезают, оба мира уничтожаются, и доказательства шатаются, и знания ('уриф'ан) гибнут.

24. Аллах Милостив (ар-Рахман), – Он [...] свободен от случайного, Он, слава Ему, свободен от совокупности причин и недостатков. Силен доказательством, Могущественен властью. Величественный, и Славный, и Гордый. Один не как количество, Один не как единица. Нет для него определенности (ﷲ) и нет подсчета, и нет начала, и нет конца. Творец сущего свободен от сущего – лишь Он Один знает Себя, Величественный и Щедрый, – и от духов и тел.

Сад Знания⁴⁷

1. Сказал алим сайид удивительный Абу ‘Умар ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж, да очистит Аллах его душу:

В Знании – пугающая неопределенность. А в неопределенности – пугающее Знание. Неопределенность – атрибут знающего и его украшение, неведение – его [внешний] облик.

Облик Знания скрыт от понимания знаком. Как узнать Его – ведь нет «как»? Где узнать Его – ведь нет «где»? Как соединиться – и не соединиться? Как отделиться – и не отделиться? [Но] истинное знание не [ведает] ограничений, и усилий, и изнурения.

2. Знание – за «за», за пределом, за горением (*алхимма*), за тайнами, за вестью, за сознанием. Это все – вещи. [Их] не было – и они есть. И те, которых не было, потом есть. Достижимые лишь в некоем месте. А Тот, Кто не перестает быть, был еще до измерений (*الجهات*), и причин, и следствий. Как эти измерения могут вместить Его? Как ограниченные [существа] могут достигнуть Его?

⁴⁷ Бустан ал-Ма’рифа.

3. Тому, кто говорит: «Знаю Его, потому что я в нем нуждаюсь», – как может испытывающий нужду знать Того, кто всегда есть?
4. Тому, кто говорит: «Знаю Его, потому что я существую» – нет двух вечностей.
5. Тому, кто говорит: «Знаю Его, и не зная Его»: незнание – завеса, а знание из-под завесы не реально.
6. Тому, кто говорит: «Знаю Его через Имя Его» – Имя неотделимо от Именуемого, хотя Он и несовершен.
7. Тому, кто говорит: «Знаю Его через Него [Самого]», – этот показывает на двоих познаваемых.
8. Тому, кто говорит: «Знаю Его через творение Его», – этот довольтвуется творением, не [стремясь к] Тому, кто сотворил его.
9. Тому, кто говорит: «Знаю Его через [свою] неспособность знать Его», – этот неспособный – отделившийся, так как отделившийся может воспринимать и познавать Его?
10. Тому, кто говорит: «Знаю Его, ибо Он знает меня», – этот имеет в виду знание (*'илм*) и апеллирует к знанию [Творцом сотворенного], а сотворенное отделено от Самосущности (*الذات*). А тот, кто отделен от Самосущности, – как может он воспринимать Самосущность?
11. Тому, кто говорит: «Знаю Его [таким], как Он [Сам] описал Себя». – Этот удовлетворяется вестью, а не [ищет] след.

12. Тому, кто говорит: «Знаю Его через два [противоположных] предела»: Познаваемый – един, не [поддается] разграничению и не делится на части.
13. Тому, кто говорит: «Познаваемый познает Себя Сам», – этот утверждает, что познающий на расстоянии притязает неосновательно. Ибо Познаваемый не перестает быть знающим в Себе Самом.
14. Поразительно! Тот, кто не знает, каким вырастет волосок на теле его – станет белым или черным, кто не знает, как возникли вещи, не знает ни целого, ни части, ни первого, ни последнего, ни превратности судьбы, ни причин, ни истин, ни ухищрений, – не может знать Того, Кто не перестает быть.
15. Слава Покрывшему их [творения] завесой имени и метки, [Отделившему] их завесой слова и положения, совершенства и красоты от Того, Кто не перестает быть. Сердце – кусок плоти нутра, и знание не может всегда пребывать в нем, ибо оно – Божественное.
16. Понимание – протяженность и широта. Благочестие – обычаи и закон. Творения – все в небесах и на земле.
17. Но у Знания нет ни протяженности, ни широты, нет места ни в небесах, ни на земле, оно не проявляется ни во внешнем, ни во внутреннем, ни в притче сунны, ни в законе.
18. Тому, кто говорит: «Знаю Его в Реальности»: этот ставит свое существование выше существования Познаваемого. Ибо тот, кто что-то знает о Реально-

сти, становится могущественнее, чем объект его познания, явленный ему.

19. О! В творении нет ничего меньше атома, и ты не воспринимаешь его. И тот, кто не знает атома, – как может знать Его, Чья Реальность тоньше атома для восприятия?
20. Знающий – «тот, кто видит», а Знание – «в Том, Кто пребывает»; Знание – возвращение из измерения (جهة) лишенности, и есть в нем обособляющее – как бы круг, ограждающий глаз ('айн) и разделяющий
21. сторону обреченного гибели и знание ('илм) Самосущности. Суть его сокрыта в его Мим, в самой его сердцевине; оно разъединено, и мысль отвлекается от него и забывает о нем.
22. Желаящий его боится его, боится его – отстраняется от него, Запад его – Восток его, Запад – Запад его – Восток, нет у него верха вверху и нет низа внизу.
23. Знание предстает из элементов очевидности и вечной длительности (دائمة). Путь его закрыт, нет к нему дороги. Смыслы его ясны, нет для него доказательств, его не воспринимают чувства, к нему не относятся человеческие характеристики.
24. Тот, кем оно владеет, одинок, для истощенного им легче путь, соперничающий с ним – еретик, оно заставляет глаза болеть от слез, в его объятиях – горечь отсутствия, молния его бьет неустанно, удар его щедр, стрела его пронзает, стремительность его напрягает, оно бросает наземь – [и] утешает. Боя-

щийся его – отрекшийся от мира, принимающий его в расчет – наблюдатель. Веревки его полога – канаты, поддерживающие его парус, те, кто под пологом его, – колышки, держащие его.

25. Подобно лишь самому себе, и Он подобен лишь Самому Себе. Подобно лишь самому себе, и Он подобен лишь Самому Себе. Подобен лишь Самому Себе, и оно подобно лишь самому себе. Подобен лишь Самому Себе, и оно подобно лишь самому себе.
26. Его очевидность – его основания, а его основания – его очевидность. Владеющие им – лишь владеющие им, очевидность его – в нем самом, для него, через него.
27. Оно – не Он, а Он – не оно. Но только оно – от Него, и оно – только о Нем. Нет его без Него. И нет Его, кроме Него!
28. Знающий – «тот, кто видит», а Знание – «в том, кто пребывает». Знающий сам есть его знание, потому что знание его – его [собственное] познание, но Знание – по ту сторону этого, а Познаваемый – [еще более] по ту сторону.
29. Остаток повествования – с повествователем, а Знание – с избранным, а любезность – с [видными] личностями, а красноречие – с людьми заблуждения, а сожаление – с людьми вольничавшими, а небрежение с людьми темными.
30. Ал-Хакк есть Хакк (Истина)⁴⁸,

⁴⁸ Ал-Хакк с определенным артиклем – Аллах как Истина в Себе, находящийся по ту сторону всех проявлений, спецификаций и

Творение есть творение.
И не беда⁴⁹.

имен; тогда как Хакк без артикля относится к любому проявлению Ал-Хакк.

⁴⁹ «И не беда (و لا بأس)». Другая арабская редакция – «И [они] не соприкасаются» (و لا ماس).

Оглавление

Мансур ал-Халладж: жизнь и учение.....	4
Та-Син Светильника.....	35
Та-Син Понимания.....	40
Та-Син Чистоты.....	43
Та-Син Круга.....	46
Та-Син Точки.....	48
Та-Син Безначальности и Запутанности.....	55
Та-Син Воли.....	63
Та-Син утверждения Единства.....	65
Та-Син Тайн.....	67
Та-Син Очищения.....	69
Сад Знания.....	74

Научно-популярное издание

ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж

**Китаб ат-Тавасин
Сад Знания**

Сдано в набор 15.03.2013. Подписано в печать 15.03.2013.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Усл. п. л. Уч.-изд. л.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии